

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ЛЕС

Невозможная библиотека

ДЖ. Э. УАЙТ

Заколдованный лес

Дж. Э. Уайт

Невозможная библиотека

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уайт Д.

Невозможная библиотека / Д. Уайт — «Эксмо»,
2016 — (Заколдованный лес)

ISBN 978-5-04-099041-2

Кара и её брат Тафф родились на маленьком, поросшем лесом острове. Когда-то отец рассказывал им о Большой Море, далеко за морем. И вот они здесь, после стольких испытаний! Вдали от мрачного Заколдованного леса, злых гримуаров и коварных ведьм – в приморском городке Наевом Причале, в безопасности. Но так ли это? Ведь несколько месяцев назад здесь начали происходить необъяснимые вещи. Из домов стали исчезать дети. Они ложились спать, а утром кровать оказывалась пустой... Кара уверена, что здесь не обошлось без ведьмы! Но это ещё только начало всей истории...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-099041-2

© Уайт Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Книга первая. Непризраки	11
1	12
2	16
3	23
4	28
5	39
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дж. Уайт

Невозможная библиотека

J. A. White

The Thickety: The Well of Witches

Text copyright © 2016 by J. A. White

Illustrations copyright © 2016 by Andrea Offermann

© Хромова А. С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Моей маме, которая подарила мне чтение, и моему папе, который
помог открыть эту коробочку*

Пролог

Когда Бетани отправилась в путь, был славный солнечный денёк, но с тех пор землю давно накрыла ночь и пыльную дорогу окутала тьма. Сразу за Кладбищем Ветряков билось о высокие скалы море, и в воздух поднимались фонтаны чёрной воды. Бетани поплотнее закуталась в плащ.

«Эх, надо было не уходить, а остаться ночевать! Уж наверное, миссис Реддинг не отка-зала бы мне в ночлеге, если бы я попросила». Несомненно, это был бы самый разумный выбор: то, что мама называет «взрослый поступок». Но как только Бетани отдала миссис Реддинг недельный запас свешаров и получила плату, хозяйка тут же извинилась, сослалась на хлопоты, ушла и не вернулась. Бетани понимала, что миссис Реддинг не нарочно вела себя по-хамски: она попросту забыла, что Бетани ещё тут. С Бетани такое постоянно. Мама утверждает, мол, это всё оттого, что Бетани такая застенчивая, но дело не только в этом. Ведь ей же нравится общаться с людьми! Ей просто трудно надолго привлечь их внимание. Бетани по натуре чело-век серьёзный, и все эти шуточки и непринуждённая болтовня, которые у её ровесниц выходят сами собой, ей совершенно не даются. Она не особенно мила, ловка, остроумна, но и особенно уродливой, неуклюжей или тупоумной её тоже не назовёшь. По правде сказать, самое приме-чательное в Бетани то, что она удивительно обыкновенная во всех смыслах. В большинстве компаний она попросту сливается с фоном, будто призрак.

«Ничегошеньки особенного во мне нету», – думала Бетани.

Дорога свернула прочь от моря и пошла меж двух рядов приземистых деревьев. Бетани подумала, не забурлить ли фонарь, но решила этого не делать. Звёзды и так достаточно яркие. Кто-то ехал ей навстречу.

Самого источника звука было пока не видно в темноте, однако Бетани слышала впереди скрип колёс. И вскоре из темноты появился крытый фургон, запряжённый одной лошадьёю. На крыше фургона болтался одинокий фонарь, который почти ничего не освещал, поэтому кучера было не разглядеть.

Бетани напряглась и сунула руку под плащ. Пальцы нащупали спрятанный там кинжал. Разбойники попадались чаще, стоило ей оказаться в сердце страны, однако же и тут, на побере-жье, тоже встречались. Бетани проворно расстегнула кошель, набитый медяками миссис Ред-динг, и ссыпала большую часть его содержимого в башмак.

«Если станут грабить, скажу, что у меня всего несколько монет!»

Однако когда фургон подъехал ближе, Бетани решила, что трусит зря. Опущенного лица кучера было не видать под капюшоном, но Бетани разглядела женскую фигуру. Руки, что держали поводья, были обтянуты безупречно-белыми перчатками.

«Небось, просто странствующая торговка, – подумала Бетани, – из тех, что возят свой товар в Слэзную Гавань или в Хендон. Никакой опасности нет».

Она выпустила кинжал и помахала рукой.

– Добрый вечер! – сказала она.

– Да уж, наконец-то! – отвечала женщина. – Казалось бы, уж я-то во тьме насиделась – но всё равно я по-прежнему предпочитаю её солнцу. Как и всегда.

Слова женщины показались Бетани странными, но она пропустила их мимо ушей. Её внимание было поглощено старомодным фургоном. Он со скрипом остановился напротив, и в мягком свете фонаря Бетани увидела всё, что до сих пор скрывалось в темноте. Забрызганные грязью колёса были белыми, как кость, и дуги, соединяющие борта, казались рёбрами какого-то глубоководного зверя. Вместо обычного белого холста дуги были обтянуты странным полупрозрачным материалом, и Бетани смутно видела то, чем был нагружен фургон. Она подалась поближе, прикрыла глаза ладонью от света фонаря...

– Тебе интересно, что там внутри? – шепнул женский голос ей прямо в ухо.

Бетани изумлённо обернулась. Скрытая под капюшоном хозяйка фургона каким-то чудом соскользнула с козел, не произведя ни малейшего шума, и подошла к ней. Лица женщины по-прежнему видно не было, но Бетани почудилось, что под капюшоном мелькнула улыбка.

– Извините, – севшим голосом ответила Бетани, – мне не следовало пялиться без разрешения...

– За любопытство не извиняются, – сказала женщина и откинула капюшон.

Бетани отродясь не видывала подобной красавицы. Женщине на вид было немного за двадцать. Фарфоровая кожа, точёные черты. Прямые белокурые волосы доставали до плеч, обрамляя огромные глаза, которые были не просто зелёными – они переливались всеми оттенками изумруда. Один оттенок от другого отделяли чуть заметные линии, как будто это витраж, который разбился и был собран заново.

– Лучше скажи, – продолжала женщина, – отчего девочка бродит по дороге одна в такую холодную, тёмную ночь?

Мысли Бетани внезапно сделались тупыми и неповоротливыми.

– Не знаю... – ответила она.

«Нет, не витраж, – думала Бетани, не в силах отвести взгляд от этих прозрачных глаз. – Не витраж, а паутина. Как будто у неё глаза затянуты паутиной...»

– Ты не меня искала, часом? – спросила женщина.

Бетани покачала головой.

– Уверена? Потому что я-то искала как раз тебя. Ну, может быть, не тебя лично, но человека, наделённого именно твоим особым даром.

Женщина погладила Бетани по щеке тыльной стороной ладони.

– Ты у меня первая, Бетани! Я увидела тебя с высоты, с ночного неба. Ты просто светишься!

Несмотря на то, что слова женщины звучали странно, Бетани всё же ощутила проблеск восторга: ну надо же, она, оказывается, достойна внимания...

– А откуда вы знаете, как меня зовут? – спросила она.

– А ты что, не знаешь, как меня зовут? Ну, неважно. Меня зовут Риготт.

Женщина поправила перчатки.

– Скоро это все будут знать!

В спину Бетани кольнула иголочка страха. Не того повседневного страха перед крысами, тёмными коридорами, не страха бессонных штормовых ночей, когда папа в море, нет, – это был, скорее, тот перехватывающий дыхание ужас, который Бетани испытывала, когда бабушка в детстве рассказывала ей старые сказки – те, про которые мама с папой говорили, будто всё это чушь, – о временах, когда по Миру бродили ведьмы и чудовища.

Бетани вжалась спиной в фургон, пытаясь отстраниться от глаз Риготт, и странная материя, покрывающая его, продавилась внутрь.

«Она тёплая! – подумала Бетани, ощущая исходящий от неё липкий жар. – Почему она тёплая?»

– Уже поздно, – сказала девочка, наконец-то сумев отвести взгляд от этих сетчатых глаз. – Мама с папой будут беспокоиться.

– Да ну? – спросила Риготт. По её тону было ясно, что она имеет в виду: «А они хоть заметили, что тебя нет?» – Что ж, дорогая, мне и в голову не приходило тебя задерживать. Скоро доченька вернётся к своим мамочке с папочкой целая и невредимая. И не просто целая и невредимая!

Красавица говорила тихим, ровным тоном, в котором слышалась куда большая угроза, чем в рыке какого-нибудь разбойника. Бетани, стараясь не поднимать глаз и нащупывая кинжал, потихоньку отступала к передней части фургона. «Как только пройду мимо лошади, так сразу припущу бегом вдоль дороги...»

– Ты когда-нибудь обращала внимание, как редко тебя называют по имени? – спросила женщина.

Бетани не хотелось слушать. Ей хотелось сбежать. Но ноги как будто приросли к земле, отказывались слушаться.

– Подумай сама. Часто ли твои соседи – люди, которые знают тебя с рождения – называют тебя не по имени, а по родству? Ансенова сестра? Мартина дочка? А знаешь, почему?

Риготт подалась вперёд, как будто собиралась поделиться каким-то секретом.

– Потому что они не помнят твоего имени! Оно буквально вертится у них на языке – но... ах! Они его всё время забывают.

Горючие слёзы покатались по щекам Бетани. Больше всего на свете ей хотелось сбежать от этой женщины и её речей, отравленных правдой, но хотя она изо всех сил понукала своё тело, пытаясь заставить его двигаться, в голове у неё как будто стенка выросла: тело не откликлось.

– Я не могу сойти с места! – сказала Бетани. Сердце её отчаянно колотилось. – Что вы со мной сделали?

– Я не хотела, чтобы всё так получилось, – ответила Риготт, – но ты должна выслушать правду! Ты не такая, как все, Бетани, ты особенная! Тебе больше не обязательно быть унылой дочкой Калеба Дженкинса, невидимой девчонкой за прилавком. Позволь мне помочь тебе, и все узнают, какая ты на самом деле особенная!

– Я просто хочу домой, вот и всё!

– Тсс, Бетани! Слушай!

Из фургона послышался хор шепчущих голосов. Поначалу слов было не разобрать, но прислушавшись, Бетани стала различать отдельные имена: Аннабет! Ленови! Карин! Бетани почувствовала, как тело само собой развернулось к фургону. Это Риготт заставляет её двигаться, или она делает это сама? Бетани уже и не знала...

Рейчел! Корделия! Эмили!

Риготт участливо наблюдала за ней. Глаза её были прекрасны и безжалостны, как снежная целина.

– Вы слышите? – спросила Бетани.

– Я всё слышу! – ответила Риготт и махнула рукой. Странная материя, которая служила пологом фургона, откинулась назад, и перед девочкой предстали сотни книг в кожаных переплётках. Дорога была просёлочная, ухабистая, и такой груз должен был бы валяться грудой по всему фургону, но хотя книги с виду были никак не закреплены, они так и лежали аккуратными, ровными стопочками.

«Вот откуда слышатся все эти имена! – подумала Бетани. – Это книги! Они зовут своих хозяек». Казалось бы, это была полная чушь – книги ведь разговаривать не умеют, – но Бетани знала, что это правда.

И одна из книг прошептала её имя.

Не то, которое дали ей родители, а настоящее имя Бетани, сочетание звуков, что описывало её внутреннюю суть так же точно, как зеркало отражало её внешность. «Монотонное мушиное жужжание, наполняющее одинокие летние дни, которым не видно конца. Шорканье щётки, которой она пытается вычесать волосы, чтобы уложить их, как у других девочек. Заманчивое хихиканье и болтовня, в которой она никогда не сможет участвовать...»

И все эти и прочие звуки слились в одно слово: её истинное имя.

Имена прочих девочек отдалились и стихли. Остался лишь этот новый звук, её звук, к которому тянуло неудержимо. Бетани лихорадочно искала, откуда он исходит, опрокидывая целые стопки книг, пока, наконец, не нашла светло-серый том с чёрной звёздочкой, почти незаметной, вышитой снизу на корешке. Бетани прижала книгу к груди. Кожа была гладкая и какая-то, как будто влажная. Сердце колотилось от странной смеси восторга и ужаса – словно девочка готовилась прыгнуть в пропасть.

– Это моё! – прошептала Бетани.

Она обернулась к Риготт, готовая предложить ей все свои медяки до последнего, готовая отдать всё на свете за эту книгу. Но прекрасная торговка уже снова уселась на козлы. Деньги её явно не интересовали.

– Ну, мне пора, – объявила она. – Впереди ещё столько других! Я чувствую их скрытые способности, которые только и ждут, чтобы им дали волю. Твоя книга заклинаний – не единственная, которой я намерена найти хозяйку нынче ночью.

– Книга заклинаний? – переспросила Бетани, вертя книгу в руках. – Но ведь я же не ведьма! Ведьм вообще не бывает!

Фургон тронулся и стремительно покатил по дороге, с таким грохотом, что аж деревья зашевелились. Бетани испугалась, что колёса разобьются в щепки или слетят с осей, но фургон вместо этого припал к земле, точно зверь, готовящийся к прыжку, а потом рванулся и взмыл в воздух. На лету он раздался вширь и развернул длинные крылья. Теперь уже не фургон, а чудовище, такое огромное, что оно затмевало звёзды, уплывало в ночное небо, и на спине у него виднелась крохотная фигурка.

Когда силуэт чудовища растаял вдали, тёмное облако, что окутывало разум Бетани, развеялось, и она обнаружила у себя в руках гримуар. Девочка отшвырнула книгу так, будто у неё вдруг выросли когти и бритвенно-острые клыки.

«Надо пойти домой и рассказать мистралям о том, что я видела, – подумала она. – Оказывается, в старых сказках всё правда. Ведьмы существуют на самом деле! Но ведь я-то не такая тёмная тварь, как она, что бы она там ни говорила. Я даже больше не притронусь к этой книге. Оставлю её тут и вернусь с...»

Но когда Бетани опустила взгляд, гримуар каким-то образом очутился у неё в руках. И страницы были не из бумаги, как она думала, а из тонюсеньких зеркал, вшитых в обложку. «Что ж это за книга такая?» – подумала Бетани. Ей стало любопытно. Она посмотрела на своё отражение: на короткие волосы, которые всё никак не хотят расти как следует, на невыразительные карие глаза... Одно из тех лиц, что забываются в тот же миг, как ты его увидел.

«Мне хочется, чтобы на меня обращали внимание», – подумала Бетани.

И как будто в ответ на зеркальной странице начали прорисовываться незнакомые слова, которых Бетани никогда прежде не видела, разбивая её отражение и чудовищно искажая его.

Книга первая. Непризраки

«Обретая силу, познаешь других людей. Теряя силу, познаешь себя самого».

Миот Дравания. 23-я Сейблторнская лекция

1

Деревни Де-Норан больше не было.

На месте деревянных домов чернели обугленные развалины. Даже трава почернела и пожухла. Кара прошла по главной улице, вспоминая, как шумно бывало тут в середине дня, в разгар торговли. Как грохотали тележные колёса. Как монотонно гудели голоса продавцов, покупателей и сплетников. Как радостно визжали играющие на площади ребяташки.

Всё затихло.

Им следовало бы продолжать свой путь в Мир, однако Кара увидела с корабля изменившуюся деревню и настояла на том, чтобы причалить к берегу. Несколько человек из команды сошли на берег вместе с детьми и рассыпались по заброшенным фермам в поисках припасов.

– А ты уверена, что стоит тут оставаться? – спросил Тафф. – Ведь если нас увидят...

Он мог не продолжать: мрачные события того дня намертво запечатлелись в её памяти. А ведь всё начиналось так замечательно! Грейс Стоун была повержена, и жители деревни сошлись на собрание, чтобы официально провозгласить своим новым предводителем Уильяма Вестфолла, отца Кары и Таффа. Это должен был быть самый счастливый день в их жизни – но Грейс всё-таки оставила за собой последнее слово. Она истратила своё Последнее Заклинание на то, чтобы в их отца вселился дух Тимофа Клэна, самого беспощадного охотника на ведьм в истории. И он велел деревенским убить детей. Юным Вестфоллам удалось спастись лишь благодаря тому, что они бежали в Чащобу.

– А вдруг они по-прежнему тут, только попрятались? – спросил Тафф, обводя взглядом развалины деревни. – Вдруг они за нами следят? Мы и тогда-то чудом улизнули, а теперь...

– Не беспокойся, – сказала Кара. – Тут никого нет.

– А как же папа?

– И папы нет.

Тафф судорожно сглотнул.

– Они погибли, да? – спросил он.

Кара покачала головой.

– Просто ушли.

Таффа это, кажется, не убедило. Он смотрел на сровненную с землёй деревню и озабоченно хмурился.

– Надеюсь, с ними ничего не случилось, – сказал он.

Кара невольно улыбнулась. Её всегда изумляло, насколько братишка способен простить кого угодно, сколько бы зла ему ни причинили. Он с той же готовностью оправдал Мэри-Котелок, которая их предала – и в конце концов именно его сочувствие помогло привлечь старую ведьму на их сторону.

– Может, они переселились в другую часть острова? – предположил Тафф. – Возможно, они бежали от кого-то. От чудовищ из Чащобы, например. Я знаю, обычно они не заходят дальше Опушки, но ведь с тех пор, как Сордус утратил своё могущество, всё могло измениться?

Кара остановилась напротив того места, где когда-то были торговые ряды. Теперь тут не осталось ничего, кроме обугленной земли да еле узнаваемых бугорков, которые когда-то были полками и банками. Девочка подобрала оплавившуюся ложку и рассеянно уставилась на собственное отражение, перевёрнутое вверх ногами. Она вспомнила тот день, когда Грейс обманом вынудила её отдать семечку. В те времена подобная ребяческая жестокость была самой серьёзной проблемой в её жизни. Эх, вот бы и теперь оставалось так же!

– Нет, зверь такого натворить не мог, – возразила Кара. – Это выглядит слишком продуманным. Будь это тварь из Чащобы, тут повсюду валялись бы обломки. Брёвна, осколки стекла...

– Части тел...

– Ну Тафф!

– А чего? – сказал братишка. – Ты и сама об этом думала!

Он понизил голос до шёпота.

– А может, это Риготт?

– Нет. Риготт ничего не делает зря, а это бы ей ничего не дало. Я уверена, что сейчас она уже в Мире, раздаёт направо и налево свои гримуары и собирает новых ведьм. После того, как она две тысячи лет проторчала тут, на острове, это последнее место, где ей захотелось бы остаться теперь, когда она наконец освободилась.

«И всё благодаря мне, глупенькой пешке!»

Кара пнула закопчённый черепок, бывший некогда частью глиняного черпака. Черепок отлетел в сторону по обугленным останкам магазина. Кара проводила его взглядом.

– Мисс Вестфолл! – окликнули её сзади. – Нам надо вам кое-что показать.

Это был Андерс Клемент, высокий, жилистый чернокожий дядька с проседью в волосах. Перед отъездом из Калы-Мальты жители деревни назначили его капитаном судна, которое должно было отвезти треть из них в Мир. Капитан из него получился довольно толковый, но хотя с остальными членами команды он был дружелюбен и общителен, с Карой он почему-то держался отстранённо.

– Что там такое, Клемент? – спросила Кара.

– Капитан Клемент! – одёрнул он.

Да, похоже, он по-прежнему на неё злился. Клемент вообще не собирался причаливать к острову, и только когда Кара потребовала пристать к берегу, нехотя согласился. Она даже не знала, что сильнее уязвило его самолюбие: то, что он вынужден повиноваться ребёнку или девице, – но Кара была уверена, что из-за неё он потерял лицо перед всей командой. Хорошо

ещё, что она послушалась совета Мэри и никому не сказала, что лишилась магических способностей. Если бы Клемент знал правду, он бы вряд ли стал ей повиноваться.

– Прошу прощения, – сказала Кара. – Так в чём же дело, капитан Клемент?

– Там есть нечто, что вам нужно видеть.

Он кивнул на Таффа.

– А мальчику лучше остаться тут. Это зрелище не для детских глаз.

Тафф уставился на капитана, не веря своим ушам.

– Вы серьёзно? – переспросил он. – Да вы хоть представляете, чего я навидался за свою жизнь? Да я такого могу рассказать, что у кошмаров кошмары начнутся!

– Ну, как хочешь, – отвечал капитан Клемент.

Они пошли вслед за капитаном дальше вглубь деревни, минуя чёрные прямоугольники, которые некогда были зданиями, а теперь от них остались лишь уголья и воспоминания. «А вот тут была кожевня, – думала Кара. – А вот эта длинная полоса – казарма, где жили серые плащи. А вон дом пекаря Корбетта, и печка до сих пор видна». Её неожиданно охватила ностальгия. Жилось ей тут несладко – но это был её дом, а теперь его не стало.

Они поднялись на вершину холма и увидели перед собой центр деревни – то место, куда некогда Дети Лона сходились на службу. Сидельные валуны были тщательно разложены концентрическими кругами, так, чтобы все собравшиеся могли как следует видеть дерево фенрут в центре круга. Ибо дерево было важнейшим символом Лона, и несмотря на то, что вся деревня была разорена, дерево оставалось цело и невредимо.

А на его ветвях висели сотни скелетов животных.

Они раскачивались на ветру. В том, как они были развешаны, не было ни логики, ни смысла. Некоторые подвесили на такой высоте, что они были совсем не видны, лишь чуть отблёскивали белым в лучах заходящего солнца; другие висели так низко, что касались земли. В основном это был мелкий скот: козы, куры, овцы, – хотя на противоположной стороне фенрута болтался на пяти верёвках неуклюжий скелет коровы. Кару отчасти утешила мысль, что животных не повесили заживо. Дети Лона, практичные во всём, не стали бы попусту портить хорошие припасы: разумеется, животных сперва зарезали, мясо засолили и прибрали про запас.

– Знаете ли вы, что означает эта... – капитан Клемент запнулся, подбирая нужное слово, – эта выставка?

– Вы думаете, нечто подобное может иметь какой-то смысл? – спросила Кара.

– Ну, вам лучше знать. Это же ваш народ!

Кара покачала головой.

– Уже нет.

– Смотрите! – тихо сказал Тафф, указав на фигуру, которая как раз развернулась на ветру в их сторону. В отличие от всех прочих скелетов, этот был одет в чёрное школьное платье с белым воротничком, что придавало ему сходство с пугалом. На месте человеческой головы торчал бараний череп с длинными, загнутыми внутрь рогами. Волосы цвета воронова крыла, вероятно, из конской гривы, скрывали пустые глазницы черепа и ниспадали по спине школьного платья. Рук у пугала не было, однако же к левому рукаву платья была прикручена медной проволокой большая чёрная книга.

– А это ещё что такое? – осведомился капитан Клемент.

Кара вспомнила праздник Теней и вереницу таких же чучел, что украшали собой поле вдовы Миллер. «Вот и я сделалась одной из них, страшилищем, которым пугают детей».

– Я знаю, что стало с жителями деревни, – сказала она. – Они сожгли свои дома дотла, потому что знали, что никогда не вернуться. Они могли бы просто оставить всё как есть, но великий Тимоф Клэн возжелал сделать красивый жест, устроить нечто вроде церемонии. Вероятно, он назвал это Великим Очищением или ещё как-нибудь. Он же знал, что я вернусь. Каким-

то образом знал. И животные – часть того, что он хотел мне передать. Понимаете, я люблю животных. И он это знает, потому что... потому что чучело – это я. Это всё устроено ради меня.

– Что вы несёте, барышня? – переспросил капитан Клемент.

– Он хочет, чтобы я знала, что он забрал своё стадо и переправил его в Мир, но он обо мне не забыл. Он будет меня искать. И когда отыщет...

Тафф прильнул к Каре, уткнулся в неё лицом и обнял крепко-крепко.

– Кто? – спросил капитан Клемент. – Кто вас отыщет?

Но Кара больше не могла говорить, и на вопрос ответил Тафф.

– Человек, который носит лицо нашего отца, – сказал он.

2

В ту ночь Каре приснилось кукурузное поле.

Началось всё как всегда. Папа – её настоящий папа, изгнанный из собственного тела и заточённый в этом царстве бесконечного сна, – стоял в центре голого вспаханного поля и рылся в кармане в поисках мешочка с семенами. Только сейчас папа вместо того, чтобы сразу их посеять, как в предыдущих снах, высыпал чёрные зёрнышки на ладонь и принялся перебирать их. Лицо у него было озадаченное и немного разочарованное. В уголках глаз прибавилось морщинок.

«Он начинает вспоминать, – подумала Кара. – Заклинание Грейс не сможет удерживать его тут бесконечно: рано или поздно он осознает, что всё это не настоящее, и начнёт терять рассудок. А когда это случится, я уже не сумею его вернуть...»

Внезапно папины глаза гневно сузились. Он стиснул семена в своём могучем кулаке. Кара не услышала его крика – звуков в её сне отчего-то не бывало, – но увидела, как натянулись жилы у него на шее, когда он издал беззвучный вопль разочарования. В глазах у него, будто надвигающиеся грозовые облака, клубился туман безумия.

Кара проснулась.

«Время на исходе! – подумала она. – Если не спасти его сейчас, я его потеряю навсегда».

Понимая, что сегодня ночью ей больше не уснуть, Кара достала предмет, лежавший у неё под кроватью, и сунула его в сумку. Она тихонько вышла из каюты, чтобы не разбудить Таффа, и принялась пробираться по палубе спящего корабля. Над головой, словно светлячки, перемигивались звёзды. Поднимая глаза, Кара по-прежнему ожидала увидеть чёрный полог Чашобы, и эти раскиданные по небу звёздочки не только радовали, но и успокаивали.

– Я вырвалась оттуда! – сказала девочка вслух, как будто произнесённые слова обладали достаточным могуществом, чтобы успокоить её истрёпанные нервы. – Я в безопасности!

Хотя, разумеется, на самом деле ничего подобного и близко не было. Риготт её наверняка убьёт, когда снова встретит – если только та тварь, что вселилась в тело папы, не отыщет её первой. Тогда её казнят так, чтобы всем прочим ведьмам было неповадно. А тут ещё и сам Мир! Детям Лона запрещено было его обсуждать, и Кара представления не имела, что её ожидает.

«А вдруг там ещё опаснее, чем в Чашобе?»

Девочка шла стремительно, скользила из тени в тень, чтобы случайно не попасться на глаза матросам. Корабль, который капитан Клемент окрестил «Искателем», был сделан грубо и лишён каких бы то ни было украшений. Двумя палубами ниже Кары десятки людей, работая посменно, по девять часов, загребали воду длинными вёслами. Тафф считал, что заставлять людей так вкалывать – это варварство, и пытался доказать, что он мог бы построить корабль, который ходил бы под парусами. Он даже построил работающую модель, однако никто не собирався принимать всерьёз кораблестроительные идеи семилетнего мальчишки.

Кара быстро огляделась, чтобы убедиться, что никто из ночной вахты не смотрит в её сторону, и сбежала по трапу в грузовой трюм.

Рядом на кольшке болталась маленькая лампа, но Кара решила, что с неё будет довольно лучей лунного света, пробивающихся сквозь щели в палубе. Скрип и стенания «Искателя», жутковатые звуки, сопровождавшие их во время всего путешествия, тут были ещё слышнее, чем наверху. Пригнувшись, Кара пробиралась мимо всё новых и новых бочонков с провизией, туго-натуго привязанных к деревянным столбам: тут были вода и эль, зерно и солёная говядина, яйца, переложённые соломой, и фиолетовые зёрна, которые в Чащобе заменяли рис. В примитивных деревянных загонах толпился скот. Нервное блеянье и мычание разносились эхом под низким потолком. Эти животные выросли на суше, и корабельная качка тревожила их.

– Я вас понимаю, – сказала им Кара: она и сама была не в восторге от морского путешествия. – Но вы не бойтесь. Мы уже скоро будем на суше.

Животные теснились к стенкам загонов, приветствуя её. Кара сунула руку между досок, и бело-серая коза ткнулась носом ей в ладонь. Девочка улыбнулась. Хоть она больше и не ведьма, умения обращаться с животными она не утратила. А после того подарочка, что оставил ей Тимоф Клэн на ветвях фенрута, Кара особенно нуждалась в их тепле – в том, чтобы почувствовать, что они живые. Девочка пощекотала пёрышки общительной наседке, а потом подошла к большим загонам в глубине трюма, где держали лошадей. Тенепляска сердито заржала: ей не понравилось, что Кара сперва стала возиться со всякой мелюзгой. Гнедо-бурая кобыла перегнулась через высокую дверцу и ткнулась головой в плечо Кары.

– Ну, как ты тут? – спросила девочка и сунула в рот Тенепляске яблочко. – Только тсс! Не проболтайся капитану Клементу, что я человеческую пищу на лошадь перевожу. А то он так рассердится!

Тенепляска по-прежнему выглядела худой и хилой: не оправилась ещё как следует после того, как некоторое время пробыла порченной. И грива её, когда Кара уткнулась в неё лицом, всё ещё пахивала увядшими цветами. Однако глубокие карие кобыльи глаза вновь сделались её собственными: упрямыми, лукавыми и полными жизни.

Кара торопливо огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что тут точно никого нет, шмыгнула в денник Тенепляски и спряталась за его стенкой. «Я же ничего плохого не делаю. Что тут такого-то?» И тем не менее чувство вины охватило её до такой степени, что даже безобидный взгляд Тенепляски казался обвиняющим.

Девочка вынула из сумки белый гримуар, положила его на колени и раскрыла.

«Это не твоё! – думала Кара. Чувство вины всё нарастало. – Ты украли его у Сафи, а саму Сафи бросила в Кале-Мальте. Отважная маленькая ведьмочка помогла тебе добыть эликсир из Нирсука, сражалась плечом к плечу с тобой – а ты её предала!» Кара напомнила себе самой, что забрала гримуар только ради того, чтобы уберечь Сафи от его тёмного влияния. Но это мало утешало. Если она и в самом деле сделала это из благородных побуждений, отчего же она тогда до сих пор не швырнула книгу за борт?

Кара посмотрела на первую страницу, бережно поводила пальцами по гладкому листу, перелистала начало книги. Будь она по-прежнему способна творить заклинания, эти первые несколько страниц, которые Сафи уже использовала, выглядели бы как тёмная вода, идущая рябью.

А так это были просто чистые страницы.

– Ничегошеньки! – сказала Кара кобыле. – Такое впечатление, будто я в жизни не пользовалась гримуаром. Как будто бы я вообще... мальчишка!

Тенепляска коротко фыркнула в ответ. Сперва было Кара подумала, что кобыла над ней потешается, но тут заметила мышку: белую мышку с хвостиком, загнутым вопросительным

знаком. Мышка бегала по сеноу в углу денника. Тенепляска вовсе не собиралась высказывать своё мнение – её просто раздражало, что в её денник пробралось постороннее животное.

Кара положила руку на сено, и мышка взбежала к ней на ладонь.

– Ну, привет! – сказала она, радуясь тому, как щекочут кожу крохотные лапки. «Ведь я же не обычная ведьма! – напомнила она себе. – Я вексари! Мне не нужны все эти дурацкие гримуары, чтобы творить заклинания». И она устремила сознанием вовне, пытаясь построить мысленный мостик к мышке. Когда-то это позволяло ей повелевать десятками ужасных чудовищ из Чащобы.

Мышка равнодушно смотрела на неё, как ни в чём не бывало.

«Ну хорошо, – подумала Кара, – а может быть, яд Нирсука лишил меня только способностей вексари? Вдруг я по-прежнему могу ловить животных в гримуар, так же, как тогда, когда обнаружила, что я ведьма?»

Кара бережно опустила крохотного грызуна на пол и открыла страницу намного дальше тех, которые использовала Сафи.

И сосредоточилась на мышке.

– Вспрыгни мне на руку!

Если бы заклинание подействовало, в гримуаре появилось бы изображение мыши – рисунок, начертанный меленькими буквами.

Страница осталась чиста.

«Ну, а ты что думала? – сказала себе Кара, когда мышка нырнула обратно в сено. – Думаешь, могущество просто так возьмёт и вернётся, как севший голос после простуды? Да нет, оно ушло навсегда!»

И что же ей теперь делать?

Впереди Кару ждало множество препятствий. Ей нужно было снять проклятие, что лежало на её отце. Остановить Риготт. Защитить Таффа. Всё это были очень трудные задачи, почти невыполнимые даже с её могуществом. А без него? У неё просто не было шансов.

«И всё-таки будь честна. Не за этим ты спустилась в трюм!»

Кара захлопнула гримуар и спрятала лицо в ладонях.

Как же она тосковала по магии!

Кара столько лет прожила изгоем, и вот наконец-то почувствовала, что она чего-то стоит, что она кому-то нужна. Обитатели Чащобы признавали её так, как Дети Лона не признали бы никогда. Впервые в жизни Кара чувствовала себя своей. И вот теперь эта дверь захлопнулась навеки, и мир, на несколько месяцев сделавшийся таким пронзительно-ярким, потускнел необратимо.

«И кто виноват, спрашивается? Если бы я лучше распорядилась своим могуществом, ничего бы этого не случилось! Папа по-прежнему оставался бы папой. Риготт сидела бы в заточении...»

Я просто не заслуживаю быть ведьмой!»

На другом конце трюма что-то с лязгом упало на пол.

Кара вскочила на ноги и стала вглядываться во мрак. Дальний конец трюма был тёмным и окутан тенями.

– Эй! – окликнула Кара. – Есть там кто-нибудь?

Никто не отозвался, и вскоре Кара выдохнула, решив, что там никого нет. «Учитывая, как капитан Клемент ведёт этот корабль, неудивительно, что тут всё на ходу отваливается!»

Девочка погладила гриву Тенепляски, жалея, что не захватила ещё одно яблоко.

– Ну, пока, подруга, – сказала она. – Скоро мы причалим, и ты сможешь побегать на воле!

И Кара принялась пробираться назад, навстречу лунному свету, между загонами и громящимся грузом. Тени, казалось, тянулись к ней, когда она проходила мимо.

До восхода было ещё несколько часов, однако Тафф уже проснулся. Кару это не удивило: их внутренние часы пока не приспособились к смене дня и ночи за пределами Чашобы, поэтому они засыпали и просыпались не так, как все нормальные люди. Тафф сидел в центре их маленькой каюты, обложившись несколькими игрушками из Мэриного мешка. «Нет, не из Мэриного: теперь это его мешок», – поправилась Кара. Ей всё ещё было не по себе от мысли, что братишка возится с заколдованными предметами, особенно когда он обращался с ними с такой ребяческой небрежностью. На полу, среди прочего, валялись: соломенная кукла, которая качала головой, когда говоришь неправду, треснутый бумеранг, который всегда возвращался к тебе независимо от того, куда и как его бросишь, и каменный игральный кубик. На его гранях были изображены пять органов чувств – ухо, нос, глаза, рот и руки, на последней же грани – просто красный кружочек. Для чего этот кубик, ребята пока не разобрались.

Кара закрыла за собой дверь каюты. Тафф даже головы не поднял. С тех пор, как они покинули Калу-Мальту, мальчик был тих и угрюм.

«Ну, а ты чего хотела? Сафи была его другом. Единственным другом. Он по ней скучает».

– Не раскидывал бы ты это по полу, – сказала Кара, кивнув на магические игрушки. – Они опасны.

Тафф приподнял брови.

– Опасны, да? А ходить с проклятой книжкой, которую давным-давно надо было выкинуть за борт, что, не опасно?

Тафф был не в восторге, когда Кара сказала ему, что украла гримуар у Сафи. Ему казалось, что его подругу можно было бы защитить и другим, каким-нибудь более честным способом, но всё же он понимал, что Кара хотела как лучше.

Чего он не понимал – это почему Кара до сих пор не избавилась от книги.

– Хочешь, я её сам выкину? – предложил он. – Мне нравится бросать что-нибудь за борт. Я люблю, когда оно так забавно плюхается.

– По-моему, мы ещё не так далеко от берега, – возразила Кара. – Мы же не хотим, чтобы его выбросило на берег? Его может найти ещё какая-нибудь несчастная девочка...

Кара, не обращая внимания на недоверчивый взгляд Таффа, села на свою койку – и в неё тут же впились несколько колючих «ёжиков» для игры в джекс¹, раскиданных по кровати.

– Ну Тафф, ну что это такое?! – воскликнула она, швыряясь игрушками в братишку.

Тафф пожал плечами.

– Мне нужно разводить беспорядок. Иначе я думать не могу.

– Спросил бы у Мэри перед отъездом, она бы тебе с удовольствием объяснила, что они могут.

– Но какой же тогда интерес? – искренне удивился Тафф. – А потом, я уверен, что о предназначении некоторых из этих игрушек она сама ничего не знает.

Мальчик указал на кучку слева от себя: несколько шестерёнок, стрела со стеклянным шариком вместо наконечника, падающие дощечки, соединённые потёртыми ленточками...

– Мне нужно выяснить, какие способности таятся в каждой из них, чтобы и от меня наконец-то была какая-то польза.

– Ты о чём? – спросила Кара. – Ты и так делаешь уйму всего полезного...

– Да, у меня бывали неплохие идеи, – признал Тафф. – Может, даже отличные идеи! Но всё самое трудное делала ты. А теперь моя очередь тебя защищать.

«Потому что сама себя защитить я не могу».

¹ Джексы – это весёлая игра, в которую можно играть в помещении на гладкой поверхности или на улице на асфальте. Участвовать можно группами, парами или в одиночестве. Вам понадобится всего лишь маленький упругий мячик и набор металлических «ёжиков». (Здесь и далее прим. ред.)

Она смотрела на Таффа. Мальчик взял в руки прямоугольный деревянный ящичек размером не больше башмака. Эх, ему бы в эти игрушки играть, а не разбираться в их магических свойствах! Кару охватил такой прилив нежности, что аж голова пошла кругом.

– Угадай-ка, для чего это! – сказал Тафф и подсунул ящичек Каре.

Девочка повертела предмет в руках. В деревянной стенке была красная дверка. Кара отперла простую задвижку – за дверцей оказалась крохотная кладовка.

– Это же тайничок! – улыбнулась Кара. – У меня был такой, когда я была маленькая. Я туда всякие сокровища складывала: пуговицы там, засушенные цветочки... Мне его папа сделал – на день рождения подарил, если я не ошибаюсь. Я помню, как он его делал. Как ловко он орудовал пилой, ни одного лишнего движения! Наверное, ты в него...

Она запнулась. Глаза у Таффа налились слезами.

– Ой, прости! – сказала Кара. – Зря я о нём заговорила...

Тафф замотал головой.

– Нет! – ответил он. – О нём надо говорить! А то иначе получается, как будто он умер или ещё что-нибудь. А это неправда. Он просто... просто потерялся. И всё. Мы вернём его, я знаю.

Он вытер слёзы и кивнул на тайничок.

– Эта штука действует не совсем так, как та, которую сделал тебе папа. По-моему, он нам может пригодиться.

– Несомненно, – сказала Кара, отдавая ему ящичек. – Но сейчас не до этого.

Она присела, так, чтобы они с братишкой оказались лицом к лицу.

– Мне надо тебе кое-что сказать.

Не то, чтобы ей хотелось говорить это именно сегодня, но увидев, что любовь Таффа к отцу ничуть не остыла, Кара поняла, что не имеет права и дальше скрывать от него правду. Если у них есть шанс, хоть какой-то, он должен о нём знать.

– Я сперва хотела сама убедиться, – начала Кара. – Мне не хотелось подавать тебе ложную надежду. Но, пожалуй, узнать наверняка всё равно не получится, невозможно быть уверенным в таком деле...

Она замялась. Ей неохота было выпускать эти слова в мир. Потому что после того, как она это скажет, пути назад уже не будет. Это всё равно, что сообщить человеку о смерти того, кого он любил.

– Я знаю, как спасти папу, – сказала Кара.

Тафф с воплем необузданной радости вскочил на свою койку и принялся скакать так, что едва не стучался головой о потолок.

– Ур-ра! – вопил он. – Ур-ра! Мы снова будем все вместе!

Кара наблюдала за этой бурей восторга одновременно и с радостью – потому что при виде братишкиной улыбки у неё всегда становилось теплей на душе, – и с ужасом: она знала, что ей придётся сказать дальше.

Тафф прыгнул к ней на колени и уселся, свесив ноги с койки. Кара откинула ему чёлку, заглянула в глаза.

– Радоваться тут особо нечему, – сказала она. – Это тебе не просто щёлкнуть пальцами и снова сделать так, чтобы всё стало хорошо. Это невероятно опасно. И, может, даже ещё и не получится.

На все её предупреждения Тафф только рукой махнул.

– Ты спасла нашу деревню от могущественной ведьмы. Ты освободила народ Калы-Мальты от Сордуса. Ты исцелила Чащобу. Я ничего не боюсь. Что бы ни пришлось сделать, мы это сделаем. Вместе!

Кара спихнула Таффа с коленок на койку и развернулась к нему лицом. Она глубоко вздохнула, не зная, как начать.

«Да просто скажи ему сразу всё. Это всё равно, что заглотнуть горькое лекарство единым духом».

– Нам придётся спуститься в Колодец Ведьм.

Тафф, видимо, удивился, может, даже немного расстроился, но особо не испугался. Ну да, конечно, его же не было рядом, когда раскрылся гримуар тёти Эбби. Он не видел, как ведьмы тянули руки из портала и тащили Грейс туда, к себе. Он не слышал, как они завывали: «Одна из нас, одна из нас, одна из нас!»

А Кара всё это видела. И боялась за двоих.

– Но ведь единственный способ попасть в Фадин – это использовать последнюю страницу гримуара, верно? – спросил Тафф. – Мне этот план как-то не нравится.

– Если верить Сордусу, есть и другой путь. Вход, известный лишь вексари.

– Это он тебе сказал до того, как мы уехали?

Кара покачала головой.

– Нет, он написал об этом в письме.

Бывший Лесной Демон – ныне же обычный человек – написал Каре длинное письмо, чтобы помочь ответить на некоторые вопросы о Риготт и о Мире. Тафф этого письма не читал. При всём его уме, с чтением у него всегда было плоховато. Да и мелкий, старомодный почерк Сордуса вкупе с безостановочной качкой корабля делу отнюдь не помогали.

– И что он сказал? – спросил Тафф.

– Сордус пишет, что есть место, которое называется Сейблторн. Он там учился на вексари. Это была школа, вроде нашей, в Де-Норане, только там учили не буквам и цифрам, а магии.

– Ну да, магии-то учиться намного интереснее... – пробормотал Тафф.

– Директором школы был человек по имени Минот Дравания, самый великий вексари на свете. В Сейблторне царили мир и мудрость...

Взгляд Кары сделался отстранённым: она представляла себе, каково было бы учиться на вексари в Сейблторне, и насколько иначе сложилась бы её жизнь, родись она в те времена.

– С годами, – продолжала Кара, – Минота начало беспокоить, что его ученики слишком много внимания уделяют мирским делам вместо того, чтобы совершенствоваться в своём мастерстве. Поэтому он пустил в ход своё великое могущество и создал рай «за пределами Мира», как выразился Сордус, где вексари могли обучаться беспрепятственно. Там были сады и горы, водопады и стремительные реки. Сордус говорил, что не было на свете места прекраснее этого.

– Ну, и при чём тут...

– Минот Дравания дал этому раю имя. Он назвал его «Фадин».

Тафф озадаченно сморщил лоб. Ведь Фадин и Колодец Ведьм – это вроде как одно и то же? Тогда почему же это слово значит совсем не то?

– Я не понял, – сказал он. – Так Фадин – это красивое место с садами или жуткое место с ведьмами?

– И то, и другое. Последнее Заклинание принцессы Евангелины исказило рай, созданный Минотом, и преобразило его в Колодец Ведьм. Однако в Сейблторне по-прежнему существует вход в изначальный Фадин. И Сордус думает, что мы можем им воспользоваться, чтобы попасть внутрь. По крайней мере, это намного безопаснее, чем через гримуар.

Тафф поднял игрушечную стрелу и принялся вертеть её в руках. В шарике на острие стрелы плескалась жидкость, чёрная, как надкрылья жука-могильщика, напоминая Каре о том яде, который они добыли из Нирсука.

– Значит, если мы отыщем эту школу Сейблторн, мы можем попасть в то место, которое прежде было Фадином, а теперь – Колодец Ведьм.

– Именно.

– Но зачем нам вообще туда надо? Что там может быть такого, что поможет спасти папу? Там же нет ничего, кроме...

Он остановился. До него дошло.

– Грейс! – прошептал он.

Кара кивнула.

– Отменить действие Последнего Заклинания может только та ведьма, что его наложила, – сказала она. – Это должна быть Грейс.

– Но Грейс же мертва.

– Если верить Сордусу – нет. Она в ловушке.

– Да без разницы. Даже если мы её и отыщем, она не станет нам помогать. Она же злая!

– А я и не говорила, что это идеальный план. Но других шансов у папы нет. Конечно, Грейс сама по себе не вызовется просто взять и отменить Заклинание. Тут ты прав. Но у нас есть кое-что важное, что мы можем предложить ей в обмен на сотрудничество. На самом деле, то, чего ей хочется больше всего на свете.

– И что же это?

– Свобода! – ответила Кара. Она глубоко вздохнула, переводя дух, прежде чем заговорить снова. – Мы поможем Грейс вырваться из Колодца Ведьм. А она за это вернёт нам нашего папу.

Прежде, чем Тафф успел что-нибудь ответить, что-то врезалось в корабль сбоку с громоподобным грохотом. Это произошло совершенно неожиданно, без предупреждения. Кара ударилась плечом о деревянную раму койки и чуть не прикусила язык.

– Что это бы... – начал было Тафф, и тут корабль содрогнулся снова, на этот раз ещё сильнее. На мгновение Кара испытала ощущение невесомости: её тело зависло в воздухе, а потом она грянулась на внезапно перекосившийся пол. Двое Вестфоллов покатались кубарем и свалились на противоположную стенку. Пол выровнялся, и дети поднялись на ноги. Они не пострадали, если не считать нескольких ушибов и ссадин. Оба готовились к новому толчку. С верхней палубы доносился шум, который Кара сперва приняла за звук хлещущей воды. Но когда звон в ушах прекратился, девочка поняла, что это не вода.

Это были крики.

3

Тафф покидал магические игрушки обратно в мешок, а Кара схватила свою сумку. Дети бросились наверх, на палубу, навстречу толпе народа, которая ломилась вниз. Большинство бегущих молчали, всецело поглощённые бегством. «Что там?» – спрашивала Кара, и наконец одна старуха с родимым пятном в форме звёздочки над верхней губой пробормотала в ответ: «Чудовище, чудовище!»

«Эти люди выжили в Чащобе! Они всю свою жизнь провели в окружении чудовищ! Что же могло их так перепугать?»

Вскоре она это узнала.

Те, кому хватило отваги остаться на верхней палубе, похватили копья, мечи и пытались отражать атаки зверя, подобного которому Кара ещё не видывала. Хотя большая часть его бесформенного тела таилась в морских волнах, существо возвышалось над кораблём, точно башня. Десяток конечностей был унизан отростками всех мыслимых цветов и форм: одни ребристые и округлые, будто грибы, другие короткие и колючие. Казалось, будто подводная гора вдруг ожила, поднятая из небытия некой чёрной магией.

– Риготт! – воскликнула Кара.

Тварь медленно, лениво вскинула высоко в воздух одну из своих конечностей и обрушила её на нос корабля.

Палуба вздыбилась. Кара успела ухватить Таффа за локоть и вцепиться в ближайший канат, прежде чем ноги лишились опоры. Мимо них проехал коренастый мужчина, который тщетно скрёб руками, пытаясь за что-нибудь схватиться. Он едва было не соскользнул за борт,

но тут земное притяжение заставило корабль выровняться. Ледяная вода хлестнула через борт, промолив Каре ноги.

– Как же его остановить?! – воскликнул Тафф.

Первым порывом Кары было построить мысленный мостик к этому существу. Это был рефлекс, отточенный за месяцы тренировок в Чашобе. Она уже прикидывала, как это лучше сделать: «Ему, может, одиноко, оно столько времени провело в океанских глубинах, так, наверное подойдут, воспоминания о тёплых дружеских отношениях...» – когда сообразила, что это всё бесполезно. Её магии пришёл конец.

Она ещё никогда в жизни не чувствовала себя настолько беспомощной.

Ещё одна конечность обрушилась на корабль. Кара услышала жуткий треск где-то в корабельном нутре. Это была смертельная рана. На этот раз палуба уже не выровнялась, а осталась слегка накрённой.

– Бежим! – воскликнула Кара, хватая братишку за руку.

Они петляли между угрюмых дядек и тёток, размахивавших мечами и копьями, которые против этого гигантского врага были бесполезны, как зубочистки. Тафф, оставивший свой деревянный меч в Кале-Мальте, достал рогатку, которую теперь носил за поясом, и на бегу выстрелил в тварь. Кара услышала, как невидимый камень со звоном отлетел от его туши и бессильно канул в волны.

Когда они пробегали прямо перед тварью, в груди у неё открылась просвечивающая дыра, сквозь которую на них уставилось усеянное звёздами око. Кара подумала было, что это глаз, но тут верхняя и нижняя половины сложились в жуткую пародию на губы.

– Кара, – сказал знакомый голос, – вот ты где!

«Риготт!»

Ведьма каким-то образом говорила устами этого чудовища. Голос её был нежен, как шёпот, но звучал громко, как тысячеголосый ор.

– Что, нравится тебе моё новое творение? – спросила она. – Я называю его «Коралис». Возможно, не было нужды создавать нечто столь величественное, но мне казалось, что ты достойна запоминающейся кончины. К тому же мне так нравится использовать свою силу теперь, когда я свободна!

Её тон, игривый и беспечный, сделался более холодным и серьёзным.

– Зря ты вздумала меня преследовать, вексари. Я не стала бы трогать тебя, останься ты на острове.

– Вы похитили мою магию!

– Твоя магия у тебя пропала впустую! – ответила Риготт. – Ты так и не стала достаточно сильной, чтобы владеть ею.

Кара почувствовала, как у неё задрожали губы, и возненавидела себя за это.

– Ага! – сказала Риготт. – Что, я попала в цель, верно? Ты всё понимаешь! Ты недостойна подобного могущества. И никогда не была достойна. И всё же, невзирая ни на что, я оставила тебя в живых! А ты – ты пренебрегла моим даром и попыталась вмешаться в мои планы. Мои дети уведомили меня, как только ты вышла в море. Все животные морские и земные суть мои глаза, девочка! Ты и в самом деле думала, будто сможешь преследовать меня незамеченной?

– Я не дам... – выдавила Кара. Слёзы катились из глаз неудержимо. – Я не допущу, чтобы вы...

Тело Коралиса содрогнулось от хохота Риготт.

– Тебя никогда не учили не давать пустых обещаний, а? Ах, ну да, нет, конечно! Твоя мать, несомненно, умерла слишком рано, не успев преподать тебе хоть каких-то стоящих уроков. А твой отец – он хочет твоей смерти не меньше, чем я! Бедная, беспомощная Кара! Ну что ж, раз ты отказалась принять дар жизни, позволь, я преподнесу тебе другой!

Коралис замахнулся своей конечностью, и Кара вся напряглась, ожидая сокрушительного удара. Но щупальце замерло, не коснувшись корабля, зависло над головой Кары на расстоянии броска камнем. Оно было так близко, что девочка сумела разглядеть ракушки и полипы, из которых состояло тело Коралиса. Их завиткам и краскам недоставало лишь другого обрамления, чтобы быть красивыми.

Из внутренних складок Коралисова туловища вынырнуло другое щупальце, с зазубренными краями. «Вот это и есть смертельный удар», – подумала Кара – и снова ошиблась. Это щупальце было недостаточно длинным, чтобы до них дотянуться. Вместо того, чтобы нанести удар по кораблю, оно полоснуло отросток, зависший над головой Кары, в том месте, где он соединялся с телом Коралиса. Огромное существо всё заколыхалось: ему явно было больно, – но тем не менее оно продолжало резать само себя. И вот наконец хлынула ослепительно-белая жидкость, конечность отвалилась от тела и рухнула на палубу.

Кара еле увернулась. Щепки брызнули во все стороны.

Отрубленная конечность распростёрлась вдоль корабля. Запахло солёным – вроде как морем, но каким-то более старым и с тухлецой. Кара и Тафф осторожно подошли поближе, вместе с оставшимися членами команды. Кара увидела, как капитан Клемент сердито зыркнул в её сторону, как будто это она была во всём виновата.

Тафф натянул рогатку.

Конечность зашевелилась.

Не как что-то живое – нет, это было пульсирующее содрогание предмета, внутри которого находится множество живых существ. Как паутинный мешочек, набитый проклюнувшимися паучьими яйцами. Или как труп, кишачий червями.

И из раковин поплёрли твари.

Один пожилой матрос, подошедший слишком близко, внезапно увидел перед собой похожее на краба чудище ростом с ребёнка. У чудища было восемь когтистых лап, на четырёх оно передвигалось, выпуская или втягивая когти по необходимости, а две оно вскинуло, готовясь атаковать. Оно набросилось на матроса и оттяпало ему руку с такой лёгкостью, как будто нитку перерезало.

– Шунинги! – воскликнул капитан Клемент.

Кара никогда не видела шунингов вблизи, но она знала, кто это такие: время от времени один из этих глубоководных жителей, очевидно, потерянный и заблудившийся, выбирался на берега Де-Норана. Как только его замечали, тотчас поднималась тревога, и к этому месту сбегались десятки вооружённых до зубов серых плащей. И в конце концов, при помощи сетей и копий, этого единственного шунинга уничтожали, хотя он частенько забирал с собой и нескольких людей.

Теперь же Кара видела по меньшей мере десятков этих созданий, которые, пощёлкивая, выбирались из складок отрубленного щупальца.

Тафф пальнул в приближающегося шунинга из рогатки, и одна из лап твари неестественно выгнулась. Шунинг убежал в противоположную сторону.

– Надо забраться повыше, – сказал Тафф. – Щас я их перестреляю...

– Нет! – воскликнула Кара, хватая его за руку.

– Но я же могу помочь! Кто-то же из нас должен что-то сделать!

Недосказанное легло между ними тяжким грузом: «Потому что ты-то ничем помочь не можешь».

– Кара...

– Только осторожненько! – сказала она и отпустила его руку.

«Чем выше, тем безопаснее. Вряд ли эти твари могут карабкаться по трапам».

Тафф проворно исчез в толкотне суетящихся фигур, которые пытались сражаться со злыми тварями. Кара увидела, как женщина с коротко стриженными волосами вонзила

копье в незащищённый сустав шунинга и пригвоздила тварь к палубе. Но прежде, чем она успела высвободить оружие, на неё кинулся второй шунинг, за ним третий – и женщина исчезла из виду.

Кто-то схватил Кару за плечи и развернул к себе. Девочка увидела в нескольких дюймах от себя разъярённое лицо капитана Клемента.

– Помогай, ведьма! – вскричал он, тряся её. По щеке у него текла кровь, затекая ему в рот. – Люди гибнут! Сделай хоть что-нибудь!

Она почувствовала, как рядом с ногой что-то шевелится, и заорала. Шунинг растопырил когти, готовясь сомкнуть их чуть пониже её колена. Капитан Клемент пинком отшвырнул тварь, и та отлетела на другой конец палубы. Он вскинул меч, готовясь броситься за ней, но на миг оглянулся на Кару.

– Толку с тебя!.. – процедил он.

«Он прав. Толку с меня никакого. Я ничем не могу им помочь».

И несмотря на то, что кругом бушевала битва, царили шум и крики, люди отчаянно сражались за жизнь, Кару внезапно охватила усталость.

Девочка упала на колени.

«Я просто отдохну. Чуть-чуть. Всё равно я не могу ничего сделать».

И тут её окликнули.

– Кара!

Голос был девчоночий. И к тому же знакомый.

– Сафи?!

Поначалу она решила, будто ей мерещится. Но, повернувшись влево, Кара увидела, что рядом и в самом деле стоит Сафи: знакомая тёмная кожа, пристальный взгляд зелёных глаз, волосы растрёпанные и нечёсанные.

– Как ты сюда попала?! – спросила Кара.

– Потом, – ответила Сафи. Она заставила себя слегка улыбнуться и указала на Коралиса. – Думаю, для начала надо разобраться с тем огромным чудовищем.

Девчушка своими длинными, тонкими пальчиками выхватила гримуар из сумки Кары и шагнула вперёд, заранее раскрыв книгу. Один из шунингов ринулся ей навстречу, но Сафи произнесла несколько слов, и тварь, взлетев на воздух, плюхнулась за борт, как будто подхваченная небольшим персональным торнадо. Сафи заговорила снова – второй шунинг взвился вверх и разлетелся вдребезги, ударившись о мачту. Осколки чёрного панциря градом забарабанили по палубе.

Кара следовала по пятам за Сафи, которая шагала вперёд, уничтожая тварей одну за другой. «Наверное, она всё это время пряталась на корабле. Никакого другого объяснения быть не может. Но если она знала, что я украла её гримуар, отчего же она до сих пор не пыталась его вернуть?»

Ночное небо озарилось вспышкой ослепительного пламени.

Мир сделался чрезвычайно отчётливым: Коралис заваливался назад, размахивая в воздухе своими отростками, пытаясь восстановить равновесие. Второй взрыв, ещё ослепительней первого, поразил его в верхнюю часть тулова, и Коралис рухнул в море. Корабль подкинуло на могучей волне. Кара была уверена, что уж на этот-то раз он точно перевернётся, но услышала, как Сафи выкрикивает вереницу непонятных слов. Корабль внезапно выровнялся, точно гигантская рука опустила с неба и остановила его.

Оставшиеся матросы и пассажиры «Искателя» разразились торжествующими возгласами.

В центре ликующей толпы стояла Сафи, держа в руках закрытый гримуар. Её хлопали по спине, обнимали за хрупкие плечики. Тафф бросился к ней, размахивая рогаткой, и обнял

крепко-крепко. С объяснениями можно было и подождать: сейчас он был просто рад видеть свою потерянную подругу.

Кара отошла на другой конец корабля, туда, где во все стороны простиралось море, под облаками, похожими на клочья ваты. Над горизонтом только-только показалось солнце, расцветившее тьму рассветными красками. Зрелище было великолепное – просто волшебное! – но оно не помогло развеять мрачные мысли Кары.

«Если бы не Сафи, все, кто есть на этом корабле, сейчас были бы мертвы. И всё из-за меня! Это меня хочет погубить Риготт. Из-за меня она напала на нас. А я не смогла ничего сделать, чтобы её остановить!

Как же мне одолеть Риготт? Как спасти папу?

Без магии я ничто.

Ничто».

4

На пиру, устроенном в честь Сафи, малышка рассказала капитану Клементу, что тайком пробралась на борт «Искателя», чтобы помочь Каре и Таффу преследовать Риготт. «Я знала, что им пригожусь, – сказала Сафи, – но я понимала, что папа меня никогда не отпустит. Так что это был единственный способ». Прочие взрослые, что были за столом, всё ещё находились под впечатлением того, как Сафи разделалась с Коралисом, и приняли эту историю за чистую монету. Кара их понимала. Всё это действительно звучало довольно убедительно и, как и любая стоящая ложь, содержало в себе зерно истины. Однако когда дети вечером вернулись к себе в каюту, Кара отправила Таффа за водой и лишними одеялами, а сама села напротив девочки.

– Ты готова рассказать мне всю правду? – спросила Кара.

Сафи успела заплести волосы в две косички, оттереть с себя грязь и обзавестись зелёным платьем – рукава ей были длинноваты, а так ничего.

– Правда в том, что ты украла мой гримуар.

– Это верно.

Кара ждала гнева. Обвинений. Не так давно женщина по имени Констанс Лэмб забрала гримуар у самой Кары. Она по опыту знала, что Сафи должна была воспринять это как предательство, и не ожидала ничего, кроме неприкрытой ненависти.

Вместо этого девочка бросилась ей на шею.

– Ой, спасибо! – говорила она, целуя Кару в щёки. – Спасибо-спасибо-спасибо!

– С ума сошла?

– Нет, конечно! – воскликнула Сафи, взяв её за руки. – Тебе ничего другого не оставалось! Это был единственный способ. Если бы ты сперва попыталась со мной об этом поговорить...

– Ты не стала бы слушать.

Сафи кивнула.

– Гримуар управлял мной, – сказала она, и добавила вполголоса: – Он заставил меня сделать кое-что, за что мне стыдно.

– Ну, расскажи.

Сафи потупилась и сделалась очень похожа на ту неуклюжую, застенчивую девчушку, с которой Кара впервые познакомилась в Кале-Мальте. «Хорошо всё-таки, что я Таффа отослала», – подумала Кара. В отличие от неё, братишка не был способен понять, каково это – очутиться во власти гримуара, и поэтому Сафи, скорее всего, не решилась бы открыть всю правду. Ей бы не захотелось, чтобы её лучший друг стал думать о ней плохо.

Однако даже при Каре Сафи сперва повернулась спиной, а потом уже заговорила.

– Извини, – объяснила она, – я лучше не буду на тебя смотреть, мне так проще.

– Ничего, не торопись. Потом станет легче.

– Честно-честно?

– Честно-честно.

Сафи перевела дух и начала:

– После битвы с Риготт я думала, что мой гримуар потерялся навсегда. Но через несколько дней я проснулась ночью и обнаружила, что стою в Чашобе с книгой в руках. Я испугалась, но и обрадовалась тоже, потому что мне ужасно не хватало всех этих заклинаний. Ты просто представить не можешь, каково это: обладать таким могуществом, а потом вдруг не мочь даже...

Сафи запнулась и оглянулась на Кару через плечо.

– Извини, – сказала она.

– Давай дальше.

– В ту ночь я сотворила множество заклинаний. Самые простых, безобидных, просто чтобы... наверное, просто потому, что мне это было очень нужно. Я дала себе слово, что утром всё расскажу тебе, но потом наступило утро, и я поняла, что если ты всё узнаешь, ты отберёшь у меня гримуар, а мне этого не хотелось. Мне хотелось отправиться в Мир с тобой и с Таффом. Я хотела помогать бороться с Риготт, а для этого нужно было тренироваться. По крайней мере, так я себе говорила. На самом-то деле мне просто хотелось творить всё новые и новые заклинания. Больше меня ничто не интересовало. Теперь я это понимаю. Я спрятала гримуар в лесу и возвращалась туда каждую ночь. Заклинания становились всё более и более странными. Это не всегда было то, что мне хотелось сделать. Я испепелила дерево. Сотворила чёрную воронку, которая затягивает под землю. По-моему, никому из лесных животных я зла не причинила, хотя... хотя...

– Хотя гримуар хотел от тебя именно этого.

Сафи кивнула.

– А потом однажды ночью папа увидел, чем я занимаюсь. Наверное, он пошёл за мной следом. На самом деле, даже удивительно, что он так долго не замечал, что я каждую ночь ухожу из дома. С тех пор, как произошла эта история с Риготт, он меня оберегал даже сильнее, чем раньше.

– Он же тебя любит, – сказала Кара.

Сафи кивнула. В глазах у неё стояли слёзы.

– Когда он увидел, что я делаю, он попытался вырвать гримуар у меня из рук, и тут... тут я сотворила заклинание. Я ни о чём не думала, просто колдовала, и всё. Папа на секунду застыл и ушёл. На следующее утро он ничего не помнил. Казалось бы, я должна была быть так довольна! Но каждый раз, как папа мне улыбался или целовал в щёчку, мне становилось не по себе. Как будто я ему вру целыми днями, с утра до вечера, даже когда мы и не разговариваем.

Сафи стёрла слёзы со щёк.

– Но это ещё не самое худшее! Какая-то часть меня при этом смеялась над ним. Над моим папой, от которого я никогда не видела ничего, кроме любви и доброты. Но я смотрела на него и видела только старого дурака, которого я никогда больше не буду слушаться.

– Это гримуар внушал тебе такие мысли.

– Да я знаю, – сказала Сафи, глядя куда-то вдаль. – Я иногда слышала его. Голос, шепчущий мне на ухо. Вот тут-то я и поняла, что надо это бросать, что если я и дальше стану пользоваться гримуаром, он меня изменит навсегда. И вот я пробралась на борт «Искателя» в ночь накануне отплытия. Я понимала, что без гримуара от меня большого проку не будет, но зато я окажусь вдали от его влияния. Я смогу снова стать хорошей девочкой.

У Кары засосало под ложечкой от холодного ужаса.

– Ты пробралась на корабль, потому что хотела очутиться подальше от гримуара, – сказала Кара. – А я притащила его на борт. Я всё погубила!

– Неправда! Теперь я знаю, что...

– Но почему же ты пряталась так долго? Ты могла бы сразу подойти ко мне...

– Я так и собиралась. А потом увидела, что гримуар у тебя, и испугалась. Я подумала, что ты его украла, хотя это, конечно, глупо, потому что ты... ну, знаешь... Не можешь его использовать.

– Но гримуар убедил тебя, что это так.

– Он хотел, чтобы я причинила тебе зло. Я слышала его постоянно. Этот шепоток на ухо. Я просто не доверяла себе, сама не знала, что я могу сделать. Поэтому я спряталась в грузовом трюме и стала ждать, когда станет лучше, когда я снова сделаюсь собой. Но тут на нас напал Коралис, и я поняла, что пора воспользоваться гримуаром, чтобы помочь. У меня просто не оставалось выбора.

– Прости меня, – сказала Кара. – Я же не знала. Если бы только я оставила гримуар в Де-Норане...

– Нас всех уже не было бы в живых! Как ты думаешь, за что я тебя благодарила?

– Ну, я думала, потому что ты знала, что я пыталась тебе помочь...

Сафи улыбнулась.

– Да, конечно, и за это тоже. Но в первую очередь потому, что теперь я знаю: пытаться сбежать от гримуара вообще было глупо. Не использовать его могущество было бы чистым эгоизмом. Риготт собирает ведьм на свою сторону. Я видела.

Помимо владения гримуаром, у Сафи был ещё один особый дар: временами она провидела будущее. Она предсказала приход Кары в Калу-Мальту. И провидела те разрушения, которые принесёт Миру Риготт.

– Что ты видела? – спросила Кара.

– Высокое знамя, а на знамени – паук с двойными жвалами. Риготт шествует во главе длинной процессии ведьм, и у каждой в руках – гримуар из Калы-Мальты. Она собрала ещё не всех, но когда она их соберёт, никто перед ней не устоит. Остановить Риготт нужно прямо сейчас, и в одиночку тебе этого не сделать. Тебе нужна я.

– То есть ты так и будешь творить заклинания? Неужели ты до сих пор ничему не научилась? Неужели не понимаешь, как это опасно?

– Ну конечно! Вот почему я так рада, что ты будешь учить меня управляться с гримуаром! Сафи засмеялась и захлопала в ладоши.

– Ты, наверное, шутишь, – сказала Кара.

– Ну, а кто же ещё? – спросила Сафи. – Пока ты не научилась владеть своим могуществом вексари, ты полностью контролировала свой гримуар.

– Ничего подобного. Я так и не смогла справиться с тем первым гримуаром, который у меня был – тем, что принадлежал тёте Эбби. И только когда мне попал в руки гримуар моей матери, я отчасти смогла...

– Вот именно! Лишняя причина тебе взяться учить меня. Ведь твоя мать могла годами контролировать свой гримуар.

Кара покачала головой.

– Я – не моя мать. Я теперь даже не ведьма.

Прежде, чем Сафи успела возразить, в дверь тихонько постучались.

– Ну что, вы уже закончили обсуждать свои девчачьи дела? – спросил Тафф, и Кара невольно улыбнулась, открыв дверь и обнаружив, что он стоит с пустыми руками. Её уменьший братишка сразу сообразил, что дело не в воде и не в одеялах.

– Пошли на палубу! – потребовал он, волоча их за руки. – Люди поют и пляшут! Земля ещё далеко, но это точно земля! И она везде! Мир, Кара! Там Мир!

К тому времени, как они, наконец, причалили, уже взошло солнце, заливая светом гигантскую сушу, которая простиралась через весь горизонт, как поставленное на якорь небо. «Чашоба – просто рощица по сравнению с этим!» – думала Кара, вдруг почувствовавшая себя крохотной и незначительной. Она свела Тенепляску по сходням и замешкалась, прежде чем ступить на берег.

«Просто не верится, что я и правда здесь».

Все дети в Де-Норане гадали, какой он, этот Мир, и Кара не была исключением. Но попасть сюда на самом деле было смутной, несбыточной мечтой. Но вот она здесь! Она несмело сделала первый шаг по пляжу, опасаясь, что нога провалится в песок, будто в облако. Но песок был как песок, и деревья как деревья. На самом деле, населённый чайками пляж был почти такой же, как и в Де-Норане. И только оглядевшись повнимательней, Кара начала замечать разницу: голые зимние деревья с ветвями, сложенными вовнутрь, точно спицы зонтика, хрустящие под ногами ракушки странной формы, непривычный запах в воздухе – чуть слаще, чем аромат сосновых иголок.

Однако самая существенная разница состояла в очертаниях Мира. Он не был плоским, как Де-Норан, он вздымался и опадал во все стороны, насколько хватало глаз. Чашоба была ужасающей, потому что каждая тень там сулила мучительную смерть, но бескрайние просторы Мира выглядели пугающе сами по себе. Каре вспомнилось, как давным-давно, ещё до маминой смерти, она ушла далеко от дома и очутилась в совершенно незнакомой части острова – этот первобытный ужас заблудившегося ребёнка.

«Это место достаточно велико, чтобы проглотить нас с потрохами», – подумала она.

Тафф пронёсся мимо неё и прошёлся колесом по пляжу. Если он и разделял какие-то страхи Кары, по его сияющей мордашке это было совершенно не заметно.

– Доплыли! – сказал он, взяв горсть песка и глядя, как песчинки струятся сквозь пальцы. – Правда доплыли!

– Просто не верится, да? – сказала Кара, потрепав его по голове.

Она подумала о своём лучшем друге из Де-Норана, мальчике по имени Лукас, которого младенцем продали Детям Лона. Он жил практически в рабстве, работал Чистильщиком, расчищая и выжигая разрастающуюся Чашобу, чтобы заросли не захватили деревню, но всегда мечтал отправиться в Мир и отыскать свою настоящую семью. После гибели фен-де Стоуна Лукас воспользовался случаем и уплыл-таки в Мир. С тех пор миновало несколько месяцев, и

Кара всё это время не переставала думать о нём. Утешительно было знать, что он где-то здесь – что у неё есть хотя бы один друг в Мире.

«Как знать, может, наши пути и пересекутся. Бывают вещи и постраннее».

Крепкие, небритые дядьки стаскивали по сходням ящики с припасами, капитан Клемент выкрикивал распоряжения откуда-то снизу. Сафи встала поздно и теперь догоняла их. Косички трепыхались на ходу, в сумке у неё на боку лежал белый гримуар.

– Мне и не снилось увидеть даже другие части Чащобы за пределами Калы-Мальты, – воскликнула она, – а теперь, гляди-ка, я попала в Мир! Вот здорово! Ну, и где эта школа, которую нам надо найти? Как она называется-то? Сейблторн?

– Тсс! – одёрнула Кара. «И как это Тафф сумел меня уговорить, чтобы я ей всё рассказала? Нет, она хорошая, но она же такая болтушка!» – У Риготт повсюду шпионы. Так она и узнала, что я плыву на этом корабле.

– Не беспокойся! – ответила Сафи, похлопав себя по сумке. – Я ещё утром сотворила заклинание, которое об этом позаботится. Если кому-нибудь вздумается подслушивать наши разговоры, он услышит сплошную чепуху.

– Ты сотворила заклинание? – переспросила Кара.

Сафи потупилась, будто школьница, которую застукали за тем, что она списывает ответы с соседкиной грифельной доски.

– Всего одно малюсенькое заклинаньице!

– Никаких заклинаний! Только в моём присутствии!

– Но оно же совершенно безобидное.

– На этот раз – да, – сказала Кара. – А потом, нужно беречь страницы. Они истратятся куда быстрее, чем тебе кажется. Поверь мне.

Сафи улыбнулась.

– А я думала, ты не собираешься меня учить! – лукаво сказала она.

– Не собираюсь, – ответила Кара. – Просто даю тебе полезный совет.

Они собрали свои пожитки. Кара взвалила на спину Тенепляске два больших мешка, набитых кастрюлками, одеялами и прочим скарбом, и помогла малышам сесть верхом.

– Тебе не тяжело, девочка? – шепнула она на ухо лошади. Тенепляска фыркнула, как будто само это предположение было оскорбительным.

Они зашагали прочь от занятых посадкой пассажиров корабля, в сторону деревьев, растущих на границе песчаного пляжа. Кое-кто с любопытством провожал их взглядом, но большинство людей были поглощены собственными заботами. Мир и для них был в новинку.

– Стойте! Стойте! – крикнули сзади.

Капитан Клемент, несколько запыхавшийся, бежал вдоль пляжа, догоняя ребят.

– Я вам хотел кое-что сказать, глядь, а вы собрались улизнуть втихомолку, – сказал он. – Тут городок есть, к западу отсюда. Меньше чем в двух днях пешего хода. Один из моих людей разглядел его в подзорную трубу, прежде чем мы пристали.

– А вы тоже туда собираетесь? – спросила Кара.

Капитан Клемент покачал головой.

– Если старые карты верны, точно на север отсюда должен находиться крупный город. До него дней девять пути, а может быть, десять. Всё зависит от того, есть ли тут дороги, где можно проехать на телеге. И насколько они безопасны.

– Однако без меня вам будет намного безопаснее, верно? Потому что так хотя бы Риготт оставит вас в покое.

– Именно так, – сказал капитан Клемент. – Вот почему нам с вами лучше разойтись.

Кара не была уверена, что этот дядька ей нравится, но он, по крайней мере, не кривил душой, и она это ценила.

– Я отвечаю за этих людей, Кара. И я обязан позаботиться прежде всего о них.

Клемент обернулся к Сафи.

– Было бы нехорошо с моей стороны по отношению к Бриму, если бы я не спросил тебя ещё раз: может, всё-таки отправишься с нами? Ты ведь из Калы-Мальты, дитя моё. Твоё место – с твоим народом. Быть может, и твой отец вскоре присоединится к нам. Он, небось, вне себя от тревоги.

Это заставило Сафи задуматься. Видимо, Клемент на это и рассчитывал. Девочка в самом деле очень скучала по Бриму и терзалась угрызениями совести за то, что бросила папу, даже не попрощавшись.

– Я ему письмо оставила. Я там всё объяснила, – тихо сказала она.

– Ему не нужны слова. Ему нужна его дочка.

– Мой путь лежит вместе с Карой и Таффом. Нас ждут ужасные события. Я это видела, и я должна сделать всё, что могу, чтобы это предотвратить. Папа поймёт.

Клемент фыркнул.

– Может, ты и немало знаешь о магии, но ты ничего не знаешь об отцах. Я ведь мог бы тебя и заставить, знаешь ли.

Рука Сафи потянулась к сумке.

– Попробуйте, – ответила она, и лицо её сделалось мрачным.

Капитан Клемент кашлянул в кулак и зашагал обратно к своим людям. Трое детей остались наедине с Миром.

Они брели вдоль пляжа. Тафф при любой возможности набивал карманы ракушками. И вот наконец они нашли каменную лестницу, грубо вырубленную в скале. Подъём был крутой (особенно для Тенепляски, которой не нравилось чувствовать под копытами что-то кроме земли), и к тому времени, как они взобрались наверх, ноги у Кары горели. Упёршись ладонями в колени, чтобы отдышаться, она окинула взглядом место, где они очутились: широкую дорогу, которая уходила вдаль в обе стороны, насколько хватало глаз.

– Давайте найдём этот Сейблторн, – сказала Кара.

Тафф полез в свой мешок и достал оттуда фарфорового кролика на велосипеде. Возможно, на его длинных ушках добавилась парочка новых трещин, но в целом кролик остался точно таким же, как в тот первый раз, когда он указал им путь через Чашобу.

– Господин Кролик! – воскликнула Сафи. – Какой славный!

– Господин Кролик? – переспросил Тафф.

– Ну, а как ты его зовёшь?

– Как угодно, только не «господин Кролик!»

Тафф поставил игрушку на землю, провёл чёрту на песке, чтобы можно было определить, насколько далеко кролик уехал от своего первоначального местоположения, а потом шепнул кролику на ушко: «Сейблторн!» Велосипед постоял-постоял, а потом затрясся. Его металлические детальки вибрировали, будто крылышки колибри. Одна из спиц со звоном вылетела со своего места.

– Что происходит? – спросила Кара.

– Не знаю! – ответил Тафф. – Такое впечатление, будто он пытается ехать, но его что-то не пускает.

Кара наклонилась поближе. И в самом деле: кролик, казалось, боролся с некой неодолимой силой – словно пытался закатить в гору валун. Велосипед чуть подвинулся вперёд – и правый сапожок кролика рассекла тонкая трещинка.

– Вели ему остановиться! – сказала Кара. – Скорее!

Тафф наклонился, собираясь шепнуть кролику на ухо, как вдруг игрушка разлетелась на фарфоровую пыль и огрызки проволочек.

– Нет! – воскликнул мальчик, упав на колени. Мимо него прокатилось колёсико, он поймал его двумя пальцами.

Сафи положила руку Таффу на плечо.

– Что это было?

– Сам не знаю, – ответил он, разглядывая крохотное колёсико у себя в руках. Он готов был разреваться, но сдерживал слёзы. – Если так подумать, я бы сказал, что кто-то очень не хочет, чтобы мы нашли Сейблторн.

После того, как Тафф смёл останки кролика и велосипеда обратно в свой мешок, ребята решили отправиться в городок, про который говорил капитан Клемент. Кара предположила, что эта идея ничем не хуже любой другой, и уж точно это намного лучше, чем просто брести наугад. Фен-де Стоун изо всех сил старался, чтобы его Дети знали о Мире как можно меньше, и немало в том преуспел, но если то небольшое, что доводилось слышать Каре, было правдой, на то, чтобы пройти его из конца в конец, уйдут годы и годы. Тут были города размером в целую Чашобу, непреодолимые горы, и реки, и пустыни...

В общем, любое направление – даже подсказанное капитаном Клементом, – было лучше, чем никакого.

Ребята пошли на запад по дороге над утёсами. Песчаная почва хрустела под ногами. По пути Кара мало-помалу начала отмечать тонкие различия между Де-Нораном и этой таинственной новой страной. Цветы с сердцевидными лепестками, жёлтые птицы с голосами пронзительными, как сирена. Никакого волшебства, ничего похожего на Чашобу. Просто иное, и всё.

Другие вещи объяснить было труднее. Ложбина, наполненная солоноватой жидкостью, скользкой и трепещущей на ощупь. Куски металла странной формы, ржавеющие на солнце. И, самое странное, гибкая трубка, подвешенная на веренице равномерно расставленных металлических столбов, торчащих на уровне макушек деревьев. Прозрачная трубка выглядела так, словно внутри неё течёт вода. Она несколько часов шла параллельно дороге, а потом свернула в лес и исчезла из виду.

На одном из металлических столбов было выбито слово «СВУП».

– Что это? – спросила Сафи. Девочка ещё не привыкла ездить верхом и едва не сверзлась с Тенепляски, указывая на трубку.

Глаза у Таффа сверкали любопытством.

– Даже не знаю... Может, по ней воду перекачивают из одного места в другое?

– А зачем тогда она так высоко? – спросила Сафи.

– Чтобы уберечь воду от животных? – предположил Тафф. Он обернулся к Каре. – А ты как думаешь?

Кара шутливо ткнула братишку между лопаток, давая понять, чтобы ехал дальше.

– Думаю, если мы будем пытаться разгадать все загадки этого места, мы так никогда никуда не доберёмся, – сказала она. – Давайте-ка двигаться дальше.

Под вечер они нашли тропу, ведущую вниз, спустились на пляж и расстелили свои одеяла на песке. Кара очень устала, но стоило ей перестать двигаться, как возникла новая проблема: несмотря на плащ из Калы-Мальты, подбитый тёплым мехом какого-то злосчастного зверя из Чашобы, она вскоре принялась дрожать. Вечер и так был не особо тёплый, и чувствовалось, что ночью, пока они будут спать, станет намного холодней, поэтому это грозило сделаться опасным.

– Надо развести костёр, – сказала Кара.

Сафи уже раскрыла свой гримуар.

– Давайте я! – предложила она, улыбаясь заклинанию, которое могла видеть только она.

– Нет уж, – сказала Кара. Она наклонилась к девочке и захлопнула гримуар. – Помогика мне лучше набрать хворосту.

– Но ведь заклинание же вот оно! Мне только и нужно, что его прочитать!

– И вот этих сухих водорослей насобирай. Они хорошо подходят на растопку. Сафи разочарованно надулась и зачихала гримуар обратно в сумку.

Пока девочки возились с костром, Тафф попытался изловить краба, который выполз из воды на берег. Но невидимый снаряд из его рогатки отскочил от панциря, и краб убежал обратно в море. Вместо этого пришлось ужинать сухарями и варёной овсянкой, запивая их горьким кофе. Кара, которая теперь не ела мясного, отдала Таффу и Сафи остатки вяленого мяса.

Пужинав, Кара помыла котелки в море и растянулась на одеяле. Она взглянула на Таффа. Мальчик уже спал и посапывал в такт шуму прибора. «Хороших тебе снов, братик!» Кара достала письмо Сордуса, собираясь повнимательней перечитать его перед сном, но услышала тихий шелест песка – к ней подошла Сафи.

– А почему ты мне не разрешила воспользоваться магией, чтобы нас всех согреть? – спросила Сафи.

– Не стоит тратить страницу на такое пустяковое дело, которое запросто можно сделать и без магии. Это то, чего хочет от тебя гримуар. Чем больше заклинаний ты сотворишь, тем скорее доберёшься до своего Последнего Заклинания.

Сафи подёргала себя за косички: привычка, которой она обзавелась не так давно. Она делала это всякий раз, когда глубоко задумывалась.

– А всякая ведьма, которая использовала последнюю страницу, попадает в Колодец Ведьм, – сказала Сафи, вспоминая то, что рассказывала ей Кара ещё в Кале-Мальте. – Туда, где их души будут высосаны досуха, чтобы наделять силой другие гримуары.

– Именно так.

– А как ты думаешь, каково это? – спросила она, глядя в огонь.

Кара бережно спрятала письмо Сордуса и села, поджав под себя ноги. Море, чёрное и бескрайнее, катилось к горизонту чередой извилистых волн.

– Не знаю, – сказала она.

Кара не так много времени уделяла тому, чтобы вообразить себе Колодец Ведьм как реально существующее место. Мрачная сущность этого места была такова, что даже вообразить его, казалось, означало накликасть несчастье. Каре так же не хотелось его себе представлять, как не хотелось представлять себе смерть брата.

«Я ведь не собираюсь и в самом деле отправиться туда! Или всё-таки собираюсь?!»

– Кара? – окликнула её Сафи. Вид у неё сделался озабоченный.

– Тебе незачем переживать из-за того, каково там внутри, – сказала Кара, – если ты никогда не используешь Последнее Заклинание. А чтобы с тобой такого не случилось, тебе придётся отвыкнуть относиться к гримуару, как к удобному инструменту. Он тебе не инструмент. Он твой враг.

– Но он же помог нам на корабле!

– Да, и себе заодно. Сколько заклинаний ты использовала, чтобы остановить Коралиса? На сколько страниц ты продвинулась к Последнему Заклинанию?

Сафи неторопливо кивнула, всерьёз раздумывая над этим.

– Ему хочется, чтобы его использовали.

– Ему нужно, чтобы его использовали! – поправила Кара. – Ведьмы – его животворящая кровь. Все эти заклинания, всё могущество – не что иное, как огромная ловушка. Вот почему никогда не следует тратить заклинания впустую. Каждая страничка – великая ценность, и использовать её нужно лишь тогда, когда другого выхода не остаётся.

– Ты меня учишь! – улыбнулась Сафи.

– Да не учу я тебя. Просто объясняю кое-что из того, чему сама научилась.

– Ну да, это и называется «обучение».

Сафи расчихикалась, Тафф заворочался во сне и что-то недовольно забормотал.

Кара невольно улыбнулась.

– Ну так и быть, – сказала Кара. – Давай попробуем сделать одну вещь. Только одну.

– Это будет урок?

– Ну, если тебе так угодно.

Сафи радостно хлопала в ладоши.

– Ничего весёлого тут не будет! – предупредила Кара.

– Да-да, конечно!

Кара облокотилась на колени и потёрла виски. Не ей бы учить Сафи владеть гримуаром! Она ещё слишком молода, сама не очень-то опытна в обращении с книгой, и... она ведь теперь даже и не ведьма! Вот была бы тут Мэри-Котелок... А ещё лучше – мама...

«Но их нет. Придётся тебе».

Кара помолчала, тщательно обдумывая всё, что будет говорить – ей хотелось подобрать нужные слова.

– Моя мать владела гримуаром много-много лет, и так и не сделалась злой, – сказала Кара с чем-то вроде гордости. – К тому времени, как она погибла, у неё оставалось всего несколько заклинаний до конца книги, но у меня такое чувство, что ей бы этого хватило на всю оставшуюся жизнь. И она никогда никому не причиняла зла. Она каким-то образом сумела преодолеть влияние гримуара и жить так, как ей самой хотелось.

– А может, её гримуар был не такой, как другие? – спросила Сафи. – Может, одни бывают хорошие, а другие...

– Поначалу я и сама так думала. Но Мэри-Котелок говорит, что все гримуары по природе своей зло.

– Почему?

Этот вопрос был таким простым, что Кара даже удивилась, отчего он никогда не приходил в голову ей самой. И в самом деле, почему все гримуары – зло? Ведь самый первый гримуар был подарком злосчастной принцессе. Сордус, его создатель, вовсе не собирался приносить в мир некую тёмную силу.

«Так что же произошло?»

– И почему мальчики не могут их использовать? – спросила Сафи. – Мне это тоже всегда хотелось знать.

Она подобрала раковину и приложила её к уху.

– Нет, конечно, я не против! Девочки же лучше.

– Тафф может использовать игрушки Мэри. Это тоже магия своего рода.

– Ну, отчасти. Но настоящая-то магия в самих игрушках. А заклинания Тафф творить не может. Ни один мальчик не может.

– А как же Сордус? – возразила Кара. – Прежде, чем он лишился своего могущества, его магия ничем не уступала любой другой.

– Это потому, что он вексари. У них свои правила. Но даже при всём своём могуществе он всё равно не мог пользоваться гримуаром!

Сафи пальцем нарисовала на песке силуэт книги.

– Только девочки. А почему? Должна же быть какая-то причина.

Кара согласилась, что это и впрямь любопытно, однако прямо сейчас у них были другие неотложные дела. «Сафи стремится использовать гримуар. Как я могу помешать ей навредить себе самой?»

– Давай пока вернёмся к моей матери, – сказала Кара. – Я много думала об этом, и мне кажется, что она смогла контролировать гримуар благодаря двум вещам. Во-первых, она пользовалась им как можно реже, и только когда это было действительно необходимо. Вот почему его хватило так надолго. А во-вторых...

Кара помолчала, собираясь с мыслями.

– Помнишь, я рассказывала, что мама свой гримуар замаскировала?

– Ну да, сделав его похожим на обыкновенную школьную тетрадку. Кстати, блестящая идея: взять и заколдовать свой собственный гримуар!

Кара покраснела, как будто похвалили её саму.

– Да. И вряд ли сам гримуар мог хотеть, чтобы она сотворила такое заклинание. Ведь его главная цель – чтобы его использовали. Этим он и живёт. А значит, ему меньше всего хочется быть замаскированным. Наверное, мама силой заставила его сотворить такое заклинание! Она подчинила гримуар своей воле, и я уверена, что это был не единственный раз, когда она так поступила. Думаю, это-то и помогало ей сдерживать зло.

Сафи широко улыбнулась.

– Вроде как показать, кто тут главный!

– Да, именно. Как ты думаешь, ты так сумеешь?

– Заставить свой гримуар выглядеть иначе?

– Не обязательно, – сказала Кара. – Хотя, пожалуй, и это должно подействовать...

Она ткнула пальцем в раскрытую страницу гримуара.

– Заклинание, которое должно было нас согреть, по-прежнему здесь?

Сафи кивнула. Кара проглотила внезапно подступившую зависть: для неё страница выглядела совершенно чистой.

– Измени его, – сказала Кара.

– На что?

– Неважно. На что-нибудь. Просто покажи свою власть над гримуаром. Заставь его делать то, чего хочешь ты.

– Ты же вроде говорила, чтобы я не тратила заклинаний впустую?

– Это не пустая трата. Это обучение.

Сафи улыбнулась.

– У меня есть хорошая идея!

Сафи растопырила свои тонкие пальчики над страницей и зажмурилась. Веки у неё трепетали, как будто она крепко спит.

Морские волны с шумом накатывали на берег. Шипело и трещало пламя.

– По-моему, не получается, – сказала Сафи. – Он не хочет, чтобы я...

– Старайся сильнее!

Хрупкие плечики Сафи судорожно вздымались от глубоких, резких вдохов. Девочка издавала негромкое, гортанное кряхтение. Поначалу Кара подумала, что это от напряжения, но потом сообразила, что это слова – но не на том языке, который предназначен для того, чтобы на нём говорили.

Сафи открыла глаза.

– Ну что, подействовало? – спросила она.

Кара посмотрела на неё вопросительно.

– Ну, магия твоя! – воскликнула Сафи. – Я сотворила заклинание, которое должно было вернуть тебе твоё могущество! Подействовало или нет? Что-то произошло, это точно.

В душе у Кары затеплилась слабая надежда.

«Неужели всё так просто?»

Сама Кара ничего особенного не почувствовала, но это ещё ничего не значит. Она же пока не пробовала колдовать! Она потянулась мыслями вовне, проверяя, есть ли вокруг животные, которые могли бы откликнуться на её зов.

Ничего.

«Но это же гримуар сотворил заклинание, – подумала Кара, пытаясь не дать разочарованию захлестнуть себя с головой. – Может быть, он мог вернуть мне только способность владеть гримуаром, а не могущество вексари?»

Кара взяла в руки гримуар Сафи и принялась листать страницы, ожидая увидеть чёрные водовороты, которые доказали бы, что она снова смотрит глазами ведьмы.

Чисто, чисто, чисто...

– Нет, не подействовало, – сказала Кара.

– Ты уверена? Потому что я точно что-то сделала!

Но тут они обе ощутили, что их костерок сделался жарче, и увидели, что пламя приобрело магический лиловый оттенок.

– Костёр! – сказала Сафи и, насупившись, посмотрела на книгу. – Я сотворила то самое заклинание, которое он от меня хотел. Сама того не зная...

Она разочарованно хмыкнула.

– Дай попробую ещё разок!

– Нет, пожалуй, на сегодня хватит.

– Ну всего один разик... Теперь точно получится! Я чувствую!

– Сафи! – сказала Кара.

Она хотела было забрать гримуар из рук Сафи, но девочка отдернула книгу.

– Это моё! – вскричала она.

Повисло молчание.

– Прости! – сказала Сафи и швырнула гримуар на песок. – Я... я просто забылась.

– Знаю, – сказала Кара. – Этого следовало ожидать. Со мной такое тоже было. Я только под конец научилась справляться с его властью.

Сафи подняла голову. Пляшущее пламя отражалось в её зелёных глазах, полных ужаса.

– А вдруг я не такая, как ты? – спросила она. – Вдруг я недостаточно сильная?

– Придётся тебе стать сильной, – Кара слегка улыбнулась. – Ведь другой ведьмы, кроме тебя, у нас нет.

5

В начале следующего дня с ними ничего интересного не происходило, но когда солнце миновало зенит, они увидели перед собой огромное поле. Ряды высоких металлических башен уходили за горизонт, и из центра каждой башни ровным кругом торчало по десять металлических лезвий.

Тафф изумлённо ахнул и соскользнул с Тенепляски.

– А это что? – спросила Сафи. – Они волшебные?

– Нет! – воскликнул Тафф. – Это же ветряные мельницы!

– Ты уверен? – переспросила Кара. У них в Де-Норане была только одна ветряная мельница: приземистая, деревянная, не имеющая ничего общего с этими великанами.

– Да точно! – ответил Тафф. – Только те, кто их строил, сделали крылья из плюшеного металла, а не из парусов на деревянных рамах. Но принцип тот же!

Он весь дрожал от возбуждения. Кара осознала, что эти чудеса, сотворённые человеческими руками, завораживают его куда сильнее, чем любая магия.

– Интересно, для чего их используют? – сказал он.

– А по-моему, их вообще больше не используют, – отозвалась Сафи. – Смотрите, какие они старые!

И в самом деле: ослеплённая первоначальным изумлением, Кара не обратила внимания, что все мельницы, точно прыщами, облеплены медными заплатками. Над полем дул сильный ветер, но большинство крыльев оставались неподвижными, потому что проржавели насквозь. А те, что всё же вращались, издавали жуткий скрип и скрежет.

– Мне очень жаль, Тафф, – сказала Кара и дёрнула братишку за ухо.

Она думала, что брат разочаруется, но вместо этого он ещё сильнее вытаращил глаза.

– Шутите, да? – сказал он. – Если это у них старье, жду не дождусь увидеть, как же выглядят их новые машины!

Сафи шутливо ткнула Таффа в бок: она знала, что у него там самое щекотное место. Казалось бы, совершенно невинный жест – но Кара заметила, как Сафи сразу после этого прикоснулась к своей сумке, просто удостовериться, что гримуар на месте. Бессознательный рефлекс, всё равно, что убрать волосы со лба.

– Хочешь, я его пока понесу? – предложила Кара. – Он ведь тяжёлый...

Улыбка Сафи на миг исчезла.

– Понятно...

Они двигались всё дальше на запад. Теперь вокруг со всех сторон возвышались эти ветряные мельницы, нельзя было сделать ни шага, не очутившись в тени могучих крыльев. Сафи по-прежнему ехала верхом на Тенепляске, но Тафф носился по дороге туда-сюда, вертел головой во все стороны, стараясь ничего не упустить. Каре было приятно видеть, что братишка так радуется, но сама она его энтузиазма не разделяла. Ржавые ветряки выглядели настолько чужими, что Каре казалось, будто это всё не наяву, а во сне. Разумеется, она и в Чашобе навидалась необъяснимых вещей, но там было другое: в землях, где правит магия, следует ожидать встречи с необъяснимым.

А тут-то была обыденная реальность! Тут всё должно было быть знакомым!

«Я представления не имею, чего ожидать», – думала Кара. Головокружительная мысль о том, что они покинули Де-Норан, поначалу отошла на задний план перед более насущными заботами. А теперь вот как будто шлюз открылся: в мысли потоком хлынули вопросы. «Похожи ли на нас здешние люди? Говорят ли они на том же языке, что и мы? Есть ли у них тут школы? А что они едят? Ненавидят ли они ведьм?»

Груз всего, чего Кара не знала, навалился на неё, будто гряда земли на крышку гроба.

«И согласится ли кто-нибудь нам помогать?»

Они были близки к цели, но Кара ещё никогда не чувствовала себя такой потерянной.

Уже смеркалось, когда они пришли в город. Название города было вырезано на табличке, висящей на простом столбике у обочины. Хотя очертания букв были не такими строгими, как у тех, которым учил их наставник Блэквуд, Кара обнаружила, что разбирает их без труда.

– «Наев Причал», – прочитала она.

Городок расположился на свернувшейся запятой полоске пляжа, вдоль которой покачивались на приколе большие рыбацкие лодки. Морской туман протягивал свои пальцы между домиками на сваях, стоящими вне досягаемости самого высокого прилива. На утёсе над берегом возвышался маяк, лучи которого указывали путь заблудившимся мореходам.

– А где же все? – спросила Сафи.

– Это рыбацкий посёлок, – отвечала Кара. – Тут встают до восхода и ложатся рано.

– Что, прямо настолько рано?

– Ну, мы наверняка найдём кого-нибудь, кто нам поможет.

Ребята пересекли пляж и вошли в центральную часть городка. Он оказался намного больше, чем думала Кара: затянутый туманом лабиринт узких улочек, вымощенных булыжником, и незатейливых зданий.

И ни души.

Цокот копыт Тенепляски сливался с приятным перезвоном ветряных колокольчиков, что висели на многих домах. Большинство окон были темны, хотя из некоторых сочился слабый свет. Каре померещилось лицо в окне, смотревшее на них с любопытством, но стоило ей обернуться в ту сторону, как лицо тут же исчезло.

– Что это? – спросил Тафф, указывая на голубой свет, парящий вдалеке.

Они пошли сквозь туман на этот маячок и увидели, что свет исходит от высокого столба, на макушке которого находится стеклянный шар. Внутри шара бурлила вода, излучающая яркий, небесно-голубой свет.

– Ой, как красиво! – сказала Сафи.

Вдали вспыхнул другой маячок, и дети углубились в город, разыскивая светильник. Стоило им отыскать второй шар, точно такой же, как первый, как вспыхнул третий. Они отправились туда. Улочка сузилась, поэтому им пришлось идти гуськом, а потом расширилась снова и вывела их на просторную прямоугольную площадь – Кара предположила, что это центр города.

Перед одним из столбов, ещё не зажжённым, стоял человек в вязаной шапочке. Из земли перед ним торчала чёрная труба, заканчивающаяся кривой ручкой. Всё в целом смахивало на насос в колодце, только в конце трубы была дыра, и крана, откуда набирать воду, было не видно.

– Вы откуда, мальцы? – спросил мужчина. – Темнеет ведь уже!

– Мы путники, – ответила Кара, – и ищем, где бы переночевать. Есть ли у вас тут...

Она принялась рыться в памяти, подыскивая нужное слово. Ей смутно припомнилось, что было что-то такое в последних легендах Пути. «Когда Тимоф Клен путешествовал один, разыскивая Последних Верных. Места, где он останавливался...»

– Гостиницу, что ли, ищите? – спросил мужчина.

Кара кивнула.

– Прямо за вами, – сказал он. – Не видите, что ли? Там и кровать на вывеске нарисована, на случай, если читать не умеете. Ну, ступайте.

Мужчина наклонился к этому насосу, сунул руку в карман и достал нечто, что выглядело как голубой шарик. Он проворным, привычным жестом бросил шарик в дыру на макушке насоса и принялся качать ручку вверх-вниз. Вода в стеклянном шаре забурлила. Голубой шарик всплыл, завис в центре стеклянного шара и начал растворяться, выпуская в прозрачную воду небесно-голубые клубы.

– А что вы делаете? – спросил Тафф.

– Работа такая, малый. Вишь, фонари городские бурлю. Хотя, как по мне, это всё пустой перевод добрых свешаров: свет-то ей ничуть не мешает. Однако же мистралаи так велели, а кто я такой, чтобы спорить с мистралаями?

Шарик успел полностью раствориться, и вода в стекле принялась излучать мягкий свет, который делался то ярче, то слабее в такт движениям дядьки. Кара услышала слабое гудение, которого прежде не было.

– А как вы это делаете? – восхищённо спросил Тафф. – Что вы туда бросили? Это от него вода светится, да?

Дядька изумлённо покачал головой, как будто Тафф у него спросил, стоит ли ходить ногами.

– Короче, я вам говорю, гостиница вон она. Вы там повежливей с миссис Гальт. Она тётка добрая, но пережила потерю, как и большинство из нас. Ну, ступайте, убирайтесь с улицы, пока они не явились.

– Кто – они? – спросила Сафи.

– Непризраки, – ответил дядька и ушёл в туман.

Несколько минут спустя, после того, как Кара наконец-то уволокла Таффа от свешарного фонаря («Ну погоди, я же так и не разобрался, как он работает!»), дети отворили дверь гостиницы и очутились в просторной комнате, натопленной, но страшно запущенной. На пожелтевших плетёных столиках громоздились невымытые тарелки. Пол был липкий от грязи. Мухи вились над засохшими объедками.

За длинной стойкой стояла женщина. Её глаза, полускрытые нечёсаными белокурыми волосами, опухли и покраснели. Женщина не подала виду, что заметила ребят: её взгляд был устремлён куда-то им за спину.

– Здравствуйте! – сказала Кара.

Женщина ничего не ответила. Кара обернулась: ей стало любопытно, что ж там такого занимательного, что она даже не заметила, как в гостиницу вошли трое гостей.

Ничего особенного там не было: просто запотевшее окно.

– Миссис Гальт! – окликнул Тафф и помахал ладошкой у неё перед глазами.

Женщина вздрогнула.

– А? Вы кто такие?

– Мы надеялись отыскать ночлег, – ответила Кара.

– Ах, да! – сказала миссис Гальт. Она как будто бы только теперь заметила, в каком состоянии зал, и смущённо покраснела. – Вы извините, что у меня тут так. Обычно-то у меня куда лучше, но...

Она обвела детей взглядом и опёрлась обеими руками на стойку.

– А родители ваши где? – спросила она.

– Завтра подъедут, – ответила Кара, стараясь смотреть в глаза, чтобы ложь выглядела убедительнее. – В фургоне.

Тут она сообразила, что женщина нипочём не поверит, будто Сафи им родственница, и добавила:

– Наши родители – в смысле, наши и Сафи – вот она, Сафи, – они путешествуют вместе. Только у нас колесо сломалось, и старшие решили, что нас, детей, будет безопаснее отправить вперёд. Чтобы мы заночевали в городе, а не под открытым небом. А то сейчас холодно, и вообще...

Кара краем глаза увидела, что Тафф прячет улыбку. Братишка обожал, когда его сестра проказничала.

– Жалко, что вы раньше не пришли, – ответила миссис Гальт дрожащим, но добрым голосом. – Я бы вас тогда обратно к родителям отправила. У нас тут детям не место, по ночам в особенности. Кушать хотите? У меня, пожалуй, найдётся немного молока и солёной рыбы.

– Боюсь, у нас нет денег, сударыня, – ответила Кара. – Ни на еду, ни на ночлег. Но мы не просимся ночевать задаром! У меня есть кое-что, что можно продать, а то ещё я могла бы помочь прибраться...

Миссис Гальт только рукой махнула.

– Не говори ерунды. Деньги ещё с вас брать! Главное, чтобы вы были в безопасности. Это главное, да...

И глаза миссис Гальт, наполненные жуткой, невыносимой тоской, снова устремились к пустому окну.

– Сударыня! – окликнула Кара. – С вами всё в порядке?

– Мне надо идти, – ответила миссис Гальт, отступая назад. – Наверху первая дверь. Там для вас всё готово. Скоро я вам принесу поужинать.

И выбежала из зала.

– Что это было? – шёпотом спросил Тафф.

– Не знаю... – ответила Кара и тоже посмотрела в окно. Она обратила внимание, что на запотевшем стекле появилось прозрачное окошечко, как будто кто-то невидимый подул на него снаружи. Однако когда Кара выглянула в окно, затянутая туманом улица была пуста.

Комнатушка была тесная: там едва помещались две кровати, над которыми висела простенькая картинка с маяком. Однако тут было куда чище, чем в зале. Кара и тому была рада. Миссис Гальт принесла ужин, поставила еду за дверью, тихонько постучалась и ушла прежде, чем они успели отворить дверь. За едой ребята обсуждали планы на завтра. Первым делом надо найти кого-нибудь, кто знает самую короткую дорогу до Сейблторна.

– А что это за «непризраки» такие, о которых говорил тот дяденька? – спросила Сафи. – И отчего миссис Гальт так странно себя ведёт? Похоже, этим людям нужна наша помощь...

Кара обратила внимание, что руки Сафи при этом невольно дрогнули. Девочке не терпелось найти повод использовать гримуар.

– У нас своих проблем хватает, – возразила Кара. – Более чем хватает.

– Но разве тебе не интересно?

– У нашего папы времени в обрез. Ещё немного – и мы потеряем его навсегда. Мы не можем позволить себе отвлекаться.

Разумеется, это сразу положило конец всем спорам. Каре и самой не нравилось, как бессердечно звучали её слова – особенно теперь, когда миссис Гальт была к ним так добра, – но ведь кто-то должен был это сказать.

Тафф и Сафи расположились на кроватях, а Кара расстелила одеяло на полу, подтянувшись как можно ближе к окну и развернула письмо Сордуса. Разбирать текст при свете луны было непросто, но это не имело значения: Кара и так знала письмо почти что наизусть.

– Что ты на него всё время смотришь? – спросила Сафи. – Разве ты его раньше не читала?

– Кое-что я пока не сумела разобрать. Почерк у Сордуса ужасный. А местами ещё и чернила размазались.

– Наверное, он просто отвык, – сказала Сафи. – Сколько веков он пробыл Лесным Демонном с руками-сучьями? Представляете, как непривычно ему было снова ощутить свои пальцы?

Тафф хихикнул.

– Ты чего? – спросила Сафи.

– Ну и разговорчики у нас!

– Тут много слов, которых я не понимаю, – продолжала Кара. – Может быть, я их просто не знаю, а может быть, это старинные слова, и так теперь вообще никто не говорит. Так что мне кажется, будто каждый раз, как я его перечитываю, я узнаю что-нибудь новое.

– Что, например? – спросил Тафф.

– Слушай, ложился бы ты спать, а? Вы оба.

– А я не устала, – сказала Сафи.

– И я тоже! – сказал Тафф. – Расскажи сказку, а?

Кара улыбнулась про себя, вспоминая те бесчисленные разы, когда она укладывала Таффа в постель, и эти их ритуальные споры из-за того, сколько сказок она ему расскажет. Всё-таки утешительно знать, что кое-что остаётся неизменным!

– Ну, поглядим, – сказала Кара, листая письмо. Каждый клочок бумаги был исписан вдоль и поперёк мелким, убористым почерком. – Вот он пишет о том, что произошло прежде, чем он создал гримуар для Евангелины. Когда Сейблторн ещё был школой, и Фадин ещё не был искажён и не превратился в Колодец Ведьм. Магия была благородным, чистым искусством и ценилась высоко.

Кара помолчала. Ей до сих пор с трудом верилось, что такой мир когда-то существовал. Это было похоже на сон.

– Риготт и Сордус были самыми многообещающими из учеников Сейблторна, и обучал их сам Минот Дравания, директор школы.

– Ты что хочешь сказать, что Сордус и Риготт были друзьями? – переспросил Тафф.

– На самом деле, я думаю, даже более, чем друзьями.

– В смысле?

– Фу-у! – протянула Сафи.

– Судя по всему, Минот был очень хорошим учителем. Он любил приводить учеников в Фадин и создавать для них головоломки, которые можно было решить только при помощи магии. Сордус им искренне восхищался. А вот Риготт – нет. Ей казалось, будто Минот ей не доверяет.

– И с чего бы это вдруг? – заметил Тафф.

– Отношения между ними становились всё хуже и хуже. Риготт то и дело нарушала правила, использовала опасные заклинания – запретную магию, – а Сордус постоянно её прикрывал. Ну, и кончилось дело тем, что она отказалась участвовать в чём-то, что называлось «Разделение».

– А что это? – спросил Тафф.

– Это такое испытание, которое должен был пройти каждый ученик Сейблторна, чтобы сделаться полноценным вексари.

Сафи села в кровати.

– Ты имеешь в виду, испытание могущества? Чтобы убедиться, достаточно ли они хороши?

– Я не знаю. Сордус в подробности не вдаётся. Он иногда забывает объяснять названия и выражения, которые ему-то, наверное, кажутся совершенно обыденными. Но вот тут он нарисовал... – Кара зашелестела страницами и наконец нашла то, что искала, – «цвет-нондру». Это то место, где проходил последний этап Разделения.

И она показала им нарисованный углём длинный, извилистый тоннель, ведущий к небольшому куполу, выложенному шестиугольными плитками.

– На черепаху похоже, – заметил Тафф.

– Цвет-нондра была самым важным зданием в Сейблторне, – сказала Кара. – Освящённая временем традиция...

– Да, точно! – сказала Сафи. – Будто черепаха с длинным хвостом. Такая милая!

Кара сложила страницу.

– Внутри цвет-нондры, – сказала она, – которая ничуть не похожа на черепаху, будущим вексари давали последнее задание Разделения. Впрочем, Риготт это не касалось, потому что она вообще отказалась во всём этом участвовать.

– Почему? – спросила Сафи. – Риготт, может, и злая, но ведь она же замечательная ведьма! Наверняка она бы запросто могла пройти любые испытания.

– Сордус об этом не пишет, но, по всей видимости, отказ от испытаний был настолько серьёзным делом, что Риготт пришлось вообще уйти из Сейблторна. Она умоляла Сордуса пойти с ней, но он отказался. Он не мог просто взять и бросить Минота и отказаться от мечты сделаться вексари. Однако расставание с ней разбило ему сердце.

– Но почему? – удивился Тафф. – Риготт же плохая!

– Может, она тогда и не была плохая, это потом она стала плохой, – сказала Кара. – А может быть, Сордусу просто было всё равно, плохая она или хорошая. Она ведь была ему безразлична.

Тафф покачал головой, как бы говоря: «Не поймёшь этих взрослых!»

– И что было потом? – спросила Сафи.

– Прошли годы. Как только Сордус закончил Сейблторн, он отправился по Миру разыскивать Риготт, и наконец нашёл её в месте, которое называлось «замок Долроуз». Она сделала там королевской советницей. Сордус надеялся, что они вновь станут друзьями, но Риготт не пустила его дальше ворот замка. Однако Сордус не сдавался, и когда король устроил состязание на лучшую игрушку, которая сможет порадовать его дочку, Евангелину, Сордус увидел в этом возможность произвести впечатление на Риготт и вновь завоевать её сердце.

– И он сделал первый гримуар, – сказала Сафи.

Кара улыбнулась.

– По-своему это довольно романтично, а?

Тафф уставился на неё, не веря своим ушам.

– Если не считать того, что гримуар оказался злом и погубил всех, кто был в замке!

– Я имею в виду не это, а то, что было перед тем, глупенький! Ведь Сордус в самом деле её любил. И не желал сдаваться.

Кара увидела, как растерянно смотрит Тафф, и добавила:

– Ничего, вырастешь – поймёшь. Ну, а теперь – спать! Оба! Без разговоров!

Не прошло и нескольких минут, как дети крепко уснули. У Кары уже и у самой глаза слипались, как вдруг она услышала скрип двери. Девочка тихонько встала, чтобы не разбудить остальных, прижалась лицом к приоткрытому окну и увидела, как миссис Гальт выходит из гостиницы. В руках она держала деревянный кораблик.

– Лайам! – шёпотом сказала миссис Гальт. – Лайам! Я тебя видела в окно. Куда же ты делся? Говорят, это опасно, и нужно просто не обращать на тебя внимания, но я больше не могу. Лайам, мама здесь!

Миссис Гальт дрожащими руками протянула вперёд кораблик.

– Лайам, я принесла твою любимую игрушку! Гляди, я про тебя не забыла!

Миссис Гальт резко обернулась вправо, как будто что-то услышала, бросилась туда и исчезла из виду.

Кара прижалась лбом к холодному стеклу.

«Она просто вышла прогуляться, только и всего. Не твои это проблемы. Не встревай, не надо!

Но она же приютила нас – даром. Накормила нас.

Ей грозит опасность!»

Кара тяжело вздохнула, накинула плащ и отправилась на улицу.

Миссис Гальт нигде не было видно, однако Кара слышала её шаги в гробовой ночной тишине. Луна ушла в облака. И только голубое сияние свешаров рассеивало тьму.

Кара остановилась на перекрёстке, не зная, куда свернуть, прислушиваясь к цоканью башмаков миссис Гальт. Туман немного развеялся, но в воздухе по-прежнему чувствовался солоноватый привкус.

– Ты меня видишь? – спросил за спиной девчоночий голос.

Кара стремительно развернулась в сторону неожиданного звука. И увидела только бульжнкую мостовую да ползущие клочья тумана.

– Эй, кто здесь? – окликнула она.

– Ты меня видишь?

Голос девочки звучал близко-близко, как будто она стояла практически лицом к лицу с Карой, но этого не могло быть. Там никого не было.

– Где ты? – спросила Кара, обводя глазами пустынную улицу.

– Ты меня видишь?

– Не вижу. Извини.

– Ну смотри же! – голос звучал тихонько и жалобно. Похоже, девочке было никак не больше шести. – Я совсем одна! Мне страшно! Увидь меня!

Кара откинула назад полы плаща, опустилась на колени, чтобы очутиться на одном уровне с ребёнком, и принялась изо всех сил вглядываться в туман. Поначалу она ничего не видела, но потом услышала прямо напротив себя негромкое дыхание, ощутила на подбородке прикосновение тёплого воздуха, почувствовала запах сырого песка и загорелой кожи...

И мало-помалу в пустоте проступил силуэт.

Сперва это были лишь смутные очертания, как бы идея девочки, то появляющейся, то исчезающей вновь. Однако с каждым разом становились видны всё новые подробности: кучерявые каштановые волосы, разукрашенные ракушками и ленточками, жёлтое платьице, забрызганное грязью, кофейно-карие глаза.

– Так вот ты какая! – сказала Кара.

Девочка улыбнулась.

– Я тебя вижу! – воскликнула она и схватила Кару за запястье.

Жгучая боль как будто проникла под кожу, до самого мозга костей. Кара отлетела и растянулась на мостовой. Она осмотрела своё запястье, ожидая увидеть багровый ожог, но увидела только опухший синяк, отпечаток пяти тоненьких пальчиков.

– Видь меня! Видь меня! – воскликнула девочка.

Её фигура начала таять, пока Кара разглядывала своё запястье. Однако когда она снова посмотрела на призрачную фигурку, девочка оказалась ещё более осязаемой и шагнула в сторону Кары.

Кара поспешно отвела глаза.

– Ты меня видишь?

Она чувствовала, что девочка стоит рядом. Слышала её дыхание.

«Так вот почему миссис Гальт говорила не обращать внимания на её сына! Если на них не смотреть...»

– Ты меня видишь? – повторила девочка с растущим отчаянием.

«...то они тебя не видят. И не могут причинить тебе зла. Непризраки. Надо просто сделать вид...»

– Мне холодно!

«...будто их нет. Закрыть для них своё сердце».

– Увидь меня, увидь меня, увидь меня!..

Голос малышки звучал всё тише, всё дальше. Кара зажмурилась. Она понимала, что надо просто не обращать внимания, но это было нелегко. Она не чувствовала в девочке никакой злобы. Непризрак не нарочно сделал Каре больно.

Ей просто хотелось, чтобы её видели.

Наконец голосок затих. Кара открыла глаза. Девочка исчезла.

Откуда-то из темноты послышались вопли миссис Гальт.

6

Кара помчалась по улице. Один раз она поскользнулась на влажных от ночного тумана булыжниках, но тут же восстановила равновесие. Свернула за угол – и увидела миссис Гальт, которая лежала на мостовой, привалившись к стене небольшого каменного здания. Её руки и ноги были испещрены синяками в форме детских ручек.

– Лайам, перестань! – восклицала женщина. – Перестань сейчас же! Я знаю, что ты не нарочно, но ты делаешь мне больно!

Кара увидела, как отпечаток ладошки появился на подбородке миссис Гальт, а прямо над ним – синяк в форме отпечатка губ. На этот раз миссис Гальт не вскрикнула, но губы у неё задрожали.

Кара подбежала к женщине и помогла ей подняться на ноги.

– Идёмте назад, в гостиницу! – сказала Кара.

Она подставила женщине плечо и практически потащила её на себе назад по улице. В окнах соседних домов начали зажигаться огни. Кара услышала, как вдалеке зазвонил колокол, и ещё дальше – цокот приближающихся копыт.

– Я ему просто его кораблик принести хотела. Они так любят игрушки! Детки... Непризраки... Это помогает им вспомнить, какими они были раньше. Но на самом деле ему нужна я. Его мама. Он стоит под окошком и зовёт меня, просит его обнять, и я больше не могу ему отказывать!

Миссис Гальт обернулась через плечо.

– Он и сейчас тут! – шёпотом сказала она. – Он меня зовёт!

– Сделайте вид, как будто его нет.

– Ты не мать, – сказала женщина, – тебе не понять!

Миссис Гальт вырвалась из рук Кары и побрела назад, к Лайаму. Вид у неё был решительный, словно она долго колебалась и наконец-то сделала выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.